ПУТЕШЕСТВІЕ

НА

ВОСТОКЪ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

(1849—1850 г.)

ИЗДАНІЕ
Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1883

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ВОСТОКЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

НА

ВОСТОКЪ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

(1849—1850 г.)

ИЗДАНІЕ

Графа С. Д. Шереметева.

ПУТЕШЕСТВІЕ

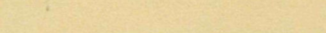
НА

ВОСТОКЪ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

(1849—1850 г.)

ИЗДАНІЕ
Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1883

(802)

Дозволено цензурою. 4 Іюля 1883 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Въ Іюнѣ 1849 года, князь П. А. Вяземскій, изъ своего подмосковнаго села Остафьева, предпринялъ путешествіе на Востокъ. Онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Константинополѣ, посѣтилъ Малую Азію и сподобился поклониться въ Іерусалимѣ Святому Живоносному Гробу Спасителя нашего...

„Когда приближаешься уже къ концу земнаго своего поприща“, пишетъ нашъ паломникъ, и имѣешь въ виду неминуемое путешествіе въ страну отцовъ, всякое путешествіе, если предпринимаешь его не съ какою нибудь спеціальною цѣлью въ пользу науки, есть одно удовлетвореніе суетной прихоти, безплоднаго любопытства. Одно только путешествіе въ Святыя Мѣста можетъ служить исключеніемъ изъ этого правила. Іерусалимъ— какъ-бы станція на пути къ великому ночлегу. Это— приготовительный обрядъ къ торжественному переселенію. Тутъ запасаешься, не пустыми свѣдѣніями, которыя ни на что не пригодятся намъ за гробомъ, но укрѣпляешь, растворяешь душу напутственными впечатлѣніями и чувствами, которыя могутъ, если Богъ благословитъ,

пригодиться и тамъ, и во всякомъ случаѣ нѣсколько очистить насъ здѣсь.

„Какъ поживешь во Святомъ Градѣ, проникнешься убѣжденіемъ, что судьбы его не исполнились. Тишина, въ немъ царствующая, не тишина смерти, а торжественная тишина ожиданія.

„Въ молодости моей, когда я былъ независимѣе и свободнѣе, путешествіе какъ-то никогда не входило въ число моихъ преднамѣреній и ожиданій. Я слишкомъ безпечно былъ поглощаемъ суетами настоящаго и окружающаго меня. Скорбь вызвала меня на большую дорогу и съ той поры смерть запечатлѣла каждое мое путешествіе. Въ первый разъ собрался я заграницу, по предложенію Карамзина, ѣхать съ нимъ; но кончина его (1826 г.) разсѣяла это предположеніе до приведенія его въ дѣйствіе. Послѣ, болѣзнь Пашеньки заставила насъ ѣхать за границу. Ея смерть (1835 г.) наложила черную печать свою на это первое путешествіе. Второе путешествіе мое окончательно ознаменовалось смертью Наденьки (1840 г.). Смерть Машеньки (1849 г.) была точкою исхода моего третьяго путешествія. Такимъ образомъ, четыре могилы служатъ памятниками первыхъ не сбывшихся сборовъ и трехъ совершавшихся путешествій моихъ. Не взмой меня волна несчастій, я вѣроятно никогда не тронулся бы съ мѣста. Вѣроятно путешествія мои, всегда отмѣченныя смертію, кончатся путешествіемъ ко Святому Гробу, который примиряетъ со всѣми другими гробами. Такъ быть и слѣдовало“.

Въ бумагахъ князя П. А. Вяземскаго сохранился *Путевой Дневникъ*, веденный во время этого путеше-

ствія. Дневникъ сей, состоящій изъ двухъ книжекъ in 4^{0}, писанъ, по большей части, рукою самого князя Петра Андреевича, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ — рукою княгини Вѣры Ѳедоровны подъ диктовку князя, и только на страницахъ 30 и 31 Княгиня включила нѣсколько строкъ отъ себя.

Служившій при нашемъ посольствѣ, во время пребыванія князя П. А. Вяземскаго въ Константинополѣ, М. А. Гамазовъ, сообщилъ намъ, по поводу Босфорскихъ стихотвореній князя Петра Андреевича, свое воспоминаніе о „живописномъ" *Эюбѣ:*

„Именитый поэтъ, передавъ въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ глубокое впечатлѣніе, оставленное въ немъ дивными красотами Босфора, приводитъ насъ къ порогу дорого́й, въ глазахъ Турокъ, святыни этого міра очарованій. Рука его уже готова отдернуть завѣсу передъ нами; величественные аккорды сложенной имъ пѣсни готовы уже коснуться слуха нашего; но мы возьмемъ смѣлость остановить его на минуту, чтобы, такъ сказать, приготовить читателей къ священнодѣйствію, передавъ тѣмъ изъ нихъ, которымъ она неизвѣстна, исторію воспѣтаго поэтомъ завѣтнаго уголка Стамбула.

„На первой строкѣ стихотворенія встрѣчается названіе, которое ничего не говоритъ не посвященному.

„Что такое Эюбъ?

„Постараемся объяснить смыслъ этого названія и набросать, какъ съумѣемъ, очеркъ носящей его мѣстности, чтобы не оставить ничего непонятымъ въ плѣнительной пѣсни князя Петра Андреевича.

„Кладбищъ много въ Константинополѣ, много въ

немъ кипарисовъ; всѣ они одинаково располагаютъ къ мечтательности и способны вдохновить всякаго поэта; но на усыпальницѣ и кипарисахъ Эюба лежитъ особая печать; особая прелесть разлита здѣсь въ сочетаніи чудесъ Восточнаго зодчества съ несравненными красотами природы.

„На берегу Золотого Рога, тамъ, гдѣ онъ начинаетъ изгибаться дугою, поворачивая свои все болѣе и болѣе съуживающіяся воды на право, по направленію къ знаменитому Кеат-хана, европейскимъ прѣснымъ водамъ (Les Eaux douces d'Europe), густою толпою тѣснятся гигантскіе кипарисы около прелестной мечети, около величаваго мавзолея, около причудливо изваянныхъ, покрытыхъ золочеными надписями и узорами мраморныхъ памятниковъ. Со всѣхъ сторонъ прижавшіяся къ этимъ бѣлымъ гробницамъ, сверкаютъ благоухающія розы; щелкаетъ гдѣ-то тамъ соловей, какъ-бы вознося молитву объ успокоеніи почившихъ. Все это, освященное таинственною легендою эпохи завоеванія Константинополя, не могло не подѣйствовать, съ особеннымъ обаяніемъ, на душу нашего вдохновеннаго поэта.

„Вотъ легенда Эюба:

„Чалмоносный завоеватель ликуетъ на холмистыхъ берегахъ Босфора. Съ понятною гордостью любуется онъ дорогою добычею, которая, наконецъ, досталась ему послѣ упорныхъ усилій, его и его предшественниковъ. На одной изъ улицъ Константинополя, прозванной съ тѣхъ поръ *Мэйитъ-мейданы* — площадью труповъ, какъ простой ратникъ, палъ въ кровавой сѣчѣ, доблестный вѣнценосецъ, царь греческій Константинъ, защищая наслѣдіе

предковъ, а вмѣстѣ съ нимъ, пали и Царь-городъ и все царство Палеологовъ къ ногамъ татарина.

„Громко, бурно торжествуетъ Мохаммедъ II-й свою побѣду и всевозможными чувственными усладами какъ-бы старается вознаградить себя за понесенные боевые труды, отпраздновать успѣхъ своего предпріятія.

„Въ самый разгаръ его оргій предстаетъ предъ нимъ его любимый шейхъ, Ак-Шэмс-уд-динъ (бѣлое солнце вѣры) и сообщаетъ грозному повелителю, что въ сновидѣніи послѣдней ночи явился ему Абу-Эюбъ Ансари; что угодникъ этотъ, ревностный ученикъ и подвижникъ пророка, павшій въ 48-мъ году хиджры (668) подъ стѣнами Константинополя, во время похода Іезида, сына Моавіи I, противъ Восточной Римской имперіи, указалъ шейху мѣсто, гдѣ покоятся его кости. „Надъ ними, сказалъ онъ ему, лежитъ въ землѣ, возлѣ источника, мраморная плита отъ моей гробницы". Султанъ, усматривая въ этомъ сновидѣніи какъ-бы благословеніе, ниспосылаемое Пророкомъ, совершенному имъ подвигу — утвержденію его знамени на развалинахъ великой древней имперіи, повелѣлъ немедленно приступить къ работамъ. И дѣйствительно, землекопы отрыли въ указанномъ мѣстѣ и мраморную плиту, и рядомъ съ нею источникъ! Этого было довольно для державнаго ревнителя Ислама! Осуществилось, значитъ, предсказаніе, гласившее, что султану, который овладѣетъ Константинополемъ, опредѣлено свыше сдѣлать это открытіе!

„По волѣ Фатиха, вскорѣ, на этомъ мѣстѣ, какъ говоритъ патріархъ Констанцій въ своей *Константиніадѣ*, изъ обломковъ четырехъ греческихъ церквей — Святыхъ

Пантелеймона, Фотиніи, Мамы, Козмы и Демьяна, разрушенныхъ здѣсь во время набѣговъ Болгаръ и осады Османовъ, построены были та мечеть и тотъ мавзолей (тюрбэ), о которыхъ мы упомянули выше и которые, такимъ образомъ, окружены, противъ другихъ имъ подобныхъ въ Константинополѣ, наибольшимъ ореоломъ святости.

„Въ мавзолеѣ стоитъ посвященная памяти Эюба (Іова), гробница изъ бѣлаго мрамора подъ отрытою плитою; возлѣ гробницы — колодезь съ водою, проведенною изъ отрытаго источника; въ головѣ — знамя, обернутое зеленымъ покровомъ; вокругъ теплятся неугасаемыя лампады. Узорчатое водохранилище (чешмэ) съ широкими выступами своей крыши, увѣнчанной золоченою рѣзною колонкою, съ разукрашенными нишами и золочеными рѣшетками, съ тонкими мраморными колоннами по сторонамъ, съ сѣтью калиграфически вылѣпленныхъ по карнизамъ надписей, дополняетъ прелесть этой семьи построекъ.

„Все готово. Зданія воздвигнуты. Украшенія на мѣстахъ. Мохаммедъ Фатúхъ (собственно—побѣдоносецъ, а не завоеватель), со свитою царедворцевъ и фалангою улэмовъ (законовѣдовъ), вступаетъ въ мечеть, гдѣ Акъ-Шэмс-уд-динъ опоясываетъ его мечемъ Османа на вѣчное торжество султановъ надъ гяурами.

„Всѣ послѣдовавшіе за Мохаммедомъ османскіе повелители, на пятый или шестой день по вступленіи своемъ на престолъ, исполняютъ этотъ обрядъ, замѣняющій у нихъ торжество коронованія; а священная земля, окружающая эти памятники, служитъ, начиная съ матери

Сэлима III-го, открытой усыпальницей султанскихъ женъ и дочерей. Много ихъ перешло, изъ раззолоченныхъ теремовъ Бешикташей и Черагановъ, въ эти раззолоченные затворы Эюба, не успѣвъ, какъ повѣствуютъ нѣкоторыя изъ надписей, ни одну минуту подышать вольнымъ воздухомъ и *вкусить сладостей земной жизни!* Зачѣмъ было родиться этимъ царевнамъ, если однѣ оковы были ихъ удѣломъ: сначала гаремъ, потомъ могила! Надъ этимъ-то, конечно, вопросомъ задумались ихъ матери и сестры, тутъ и тамъ неподвижно сидящія около ихъ гробницъ. Нѣтъ мудренаго, что о томъ-же думаетъ и тотъ евнухъ, который, въ ожиданіи своей султанши, какъ статуя изъ чернаго мрамора, стоитъ поодаль въ тѣни кипарисовъ!

„О судьба! восклицаетъ поэтъ Фазылъ въ одной изъ эпитафій, прилично-ли, чтобы гнѣздо прелестной пташки, такъ плѣнительно начавшей щебетать, было изъ камня!“

„Окрестъ кладбища возникъ многолюдный кварталъ, и все, вмѣстѣ взятое, извѣстно подъ названіемъ *Эюбъ*.

„Правовѣрные пьютъ воду Эюбова колодца какъ священную и покрываютъ плиту угодника приношеніями: серебряными монетами, кусками алоэ, янтаря, а чаще всего, бѣлаго воска.

„Вѣка слѣдовали одинъ за другимъ—и нога иновѣрца никогда не переступала порога этихъ мусульманскихъ святынь. „Напрасно“, говоритъ, въ своей Картинѣ Османской имперіи Мураджа д'Оссонъ, уроженецъ Константинополя, управлявшій миссіею шведскаго короля, „напрасно, не смотря на мои связи въ высшемъ турецкомъ обществѣ, добивался я случая осмотрѣть внутрен-

ность этихъ храмовъ! Друзья мои, турецкіе сановники, отсовѣтовали мнѣ и думать объ этомъ, такъ какъ подобное вторженіе подвергло бы жизнь мою несомнѣнной опасности".

„Но Русскіе гдѣ не проходили! Какихъ препятствій не преодолѣвали они! Какого зарока не снимали! Стоило одному изъ нихъ, Царственному Юношѣ, коснуться чела красавицы, для всѣхъ, кромѣ своихъ мусульманскихъ поклонниковъ, спавшей четыре вѣка въ этомъ кипарисовомъ лѣсу, и она очнулась отъ заколдованнаго сна.

„Великій Князь Константинъ Николаевичъ, въ первый же пріѣздъ свой въ Константинополь, въ 1845 году, первый изъ христіанъ ступилъ за порогъ завѣтной храмины, затворы которой мгновенно пали предъ Его Высочествомъ. Воспользовавшись проложеннымъ путемъ, вскорѣ затѣмъ, проникъ туда и одинъ изъ Орлеанскихъ принцевъ.

„Пишущій эти строки имѣлъ счастье быть въ числѣ лицъ, составлявшихъ свиту Августѣйшаго Посѣтителя во все время Его пребыванія на Босфорѣ и въ Бруссѣ... за исключеніемъ этого, можно смѣло сказать, историческаго дня. Вмѣстѣ съ знаменитымъ живописцемъ нашимъ И. К. Айвазовскимъ, прибывшимъ въ Константинополь въ свитѣ Его Высочества, онъ былъ съ вечера въ Скутари въ гостяхъ у одного армянскаго примата; сильный *лодосъ* (южный вѣтеръ), сопровождаемый дождемъ, развелъ зыбь на Босфорѣ и задержалъ ихъ, въ то утро, на Азіятскомъ берегу. Глубоко сожалѣя объ этой неудачѣ давно минувшихъ дней, онъ и до сихъ поръ съ от-

радою переносится мыслію къ прелестному кладбищу Эюба, который послужилъ князю Петру Андреевичу темою приводимаго здѣсь, эпиграфомъ, стихотворенія, такъ удачно имъ озаглавленнаго словомъ: Очарованіе".

Тамъ, предъ *Эюбомъ* живописнымъ,
Вѣнчаясь лѣсомъ кипариснымъ,
Картина чудной красоты
Свои раскинула узоры:
Тамъ въ нѣгѣ утопаютъ взоры
И сходятъ на душу мечты;
Тамъ, какъ ваянья гробовыя,
Одѣвшись въ бѣлый свой покровъ,
И неподвижно, и безъ словъ
Сидятъ турчанки молодыя
На камняхъ имъ родныхъ гробовъ.
Волшебный край! Шехеразады
Живая, сказочная ночь!
Души дремоты и услады
Тамъ умъ не въ силахъ превозмочь;
Тамъ вѣчно свѣжи сновидѣнья;
Живешь безъ цѣли, на обумъ,
И засыпаютъ сномъ забвенья
Дней прежнихъ суетность и шумъ.

15-е июля 1849 года въ Буюкдере.

Въ числѣ праздниковъ, установленныхъ Русскою Церковью въ память и честь святымъ, день святаго и равноапостольнаго князя Владиміра имѣетъ для насъ особенное значеніе и особенную важность. Этотъ день есть для насъ не только праздникъ христіанскій и церковный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникъ гражданскій и государственный. Онъ принадлежитъ равно и Церкви, и исторіи народной. Пріобщивъ себя и свой народъ къ Церкви православной, Владиміръ указалъ путь Россіи. Съ перваго слѣда, на немъ означеннаго, положилъ онъ незыблемое начало ея историческихъ судебъ. Всѣ наши событія, все что образуетъ нашу народную личность, нашу силу духовную, нравственную и политическую, всѣ наши успѣхи и пріобрѣтенія, всѣ очистительныя и многоплодныя испытанія, чрезъ которыя Промыслъ цѣлебно и спасительно провелъ насъ по пути бореній, жертвъ, преуспѣянія и славы, все истекаетъ изъ свѣтлой и святой купели, въ которую Владиміръ погрузилъ съ собою младенческую Россію. Отъ него зачалось и окрѣпло наше

духовное воспитаніе и гражданское образованіе. Имъ опредѣлено наше мѣсто въ исторіи человѣчества. Событія нашей старины, событія нашей новѣйшей исторіи, явленія настоящаго времени и, безъ сомнѣнія, событія будущаго связаны и будутъ связаны союзомъ нашимъ съ восточною Церковью. Здѣсь должно искать и точку исхода нашего, и цѣль, къ которой направляетъ насъ Провидѣніе темными, но вѣрными путями. Направленія, данныя обществамъ по соображеніямъ человѣческой мудрости и разсчетамъ политическаго честолюбія,—и свидѣтелемъ тому служитъ исторія,—часто бываютъ подвержены измѣненіямъ, обличая въ слѣпотѣ человѣческую предусмотрительность. Но начала, въ которыхъ явно знаменуется вмѣшательтво Божія Провидѣнія, пребываютъ незыблемы и твердо переносятъ напоры и потрясенія житейскихъ волненій и бурь. Лѣтописи наши выставляютъ въ яркомъ свѣтѣ непреложность сей истины. Имъ же, безъ сомнѣнія, предстоитъ въ будущемъ подтвердить ее новыми и убѣдительнѣйшими доказательствами. Многое у насъ измѣнилось и многое можетъ измѣниться въ частностяхъ нашего народнаго быта; но призваніе и судьба России преимущественно заключаются въ святынѣ ея Православія. Въ прошедшемъ — оно нашъ основной, краеугольный камень; въ настоящемъ — наша опора и сила; въ будущемъ—нашъ свѣтильникъ и двигатель.

Эти мысли промелькнули въ умѣ моемъ при слушаніи святой литургіи въ день 15-го іюля, въ церкви посольскаго дома нашего въ Буюкдере. Чувство духовнаго благоговѣнія пердъ совершеніемъ святыхъ таинствъ и

обычныхъ обрядовъ Церкви нашей невольно сливалось съ историческими воспоминаніями, которыя пробуждаетъ этотъ праздникъ. Эти воспоминанія, если и не совершенно чуждыя житейскимъ попеченіямъ, имѣли однакожь свою торжественность. Они не отвлекали ни мысли, ни чувства молящагося отъ чистой и святой цѣли, предназначенной молитвѣ. Они не смущали, не охлаждали умиленія; напротивъ, эти воспоминанія придавали настоящему священнодѣйствію новое значеніе, болѣе доступное слабымъ понятіямъ нашимъ: они яснѣе выражали на языкѣ человѣческомъ дѣло Божія Промысла на Русской землѣ. Особенно на берегу Босфора, вблизи источника, откуда брызнула на предковъ нашихъ живоносная и спасительная струя, давно уже изсякшая на родинѣ и нынѣ у насъ однихъ сохранившая свою первобытную и независимую чистоту, нельзя безъ тайнаго умиленія внимать словамъ пѣснопѣнія, которымъ Церковь наша славословитъ святаго Владиміра: „Уподобился еси купцу, имущему добраго бисера, славнодержавный Владиміре, на высотѣ стола сѣдя матере градовъ, богоспасаемаго Кіева, испытуя же и посылая къ Царскому граду увѣдѣти православную вѣру, и обрѣлъ еси безцѣнный бисеръ Христа, избравшаго тя, яко втораго Павла, и оттрясшаго слѣпоту во святой купели, душевную вкупѣ и тѣлесную“. Первобытная, благочестивая и поэтическая простота этихъ выраженій вездѣ трогательна и умилительна; но здѣсь она проникаетъ въ душу съ особенною прелестью и силою. Давно минувшее живо въ глазахъ олицетворяется. Нить этого *добраго бисера*, безпрерывно и цѣльно протянутая сквозь многія и многія столѣтія, очевидно, ощу-

тительно связываетъ прошедшее съ настоящимъ. Здѣсь священное преданіе возвратилось къ мѣсту колыбели своей. Возрожденное, оживленное воздухомъ родины своей, оно облекается первобытною свѣжестію. Слова обветшавшія юнѣютъ и звучатъ крѣпче и знаменательнѣе: въ нихъ слышится и святая память прошедшаго, и какое-то пророческое предчувствіе будущаго.

Для насъ, Русскихъ, случайныхъ и временныхъ переселенцевъ на берега Босфора, заброшенныхъ сюда стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ, общій праздникъ имѣлъ еще на этотъ разъ особенный, частный оттѣнокъ. Мы въ этотъ день праздновали именины нашего посланника Владиміра Павловича Титова. По русскому обычаю, онъ угостилъ единоземцевъ своихъ радушнымъ обѣдомъ въ русскихъ палатахъ, красиво устроенныхъ между обширнымъ садомъ, живописно расположеннымъ по уступамъ высокой горы, и роскошнымъ, величественнымъ Босфоромъ. За обѣдомъ пропѣты были, въ честь именинника, нѣкоторыми изъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ, слѣдующіе стихи, положенные на музыку маэстро Моріони:

Предъ минаретами Пророка,
Здѣсь, гдѣ объятый цѣпью горъ,
Подъ небомъ голубымъ Востока,
Свѣтлѣетъ голубой Босфоръ,
Мы, дѣти Руси православной,
Единодушною семьей
Поемъ тебѣ привѣтъ заздравный,
Нашъ именинникъ дорогой.

Въ дому твоемъ—для насъ Россія!
Здѣсь все, чѣмъ намъ она мила:
Креста преданія святыя,
И слава Русскаго орла,

И языка роднаго звуки,
Чтобъ сердцу сердца вѣсть подать,
И Русскія сердца и руки,
Чтобъ брата съ нѣжностью обнять.

Вечеръ кончился, какъ обыкновенно кончаются Буюкдерскіе вечера, многолюднымъ *раутомъ* подъ открытымъ небомъ на Буюкдерской набережной. Послѣ знойнаго, душнаго дня, недостаточно прохлаждаемаго навѣваніями Чернаго моря, теплая, прозрачная ночь вызываетъ всѣхъ жителей изъ домовъ и угощаетъ зрѣлищемъ и нѣгою наслажденій, невыразимо-сладостныхъ. Небо, воздухъ, вода, земля, каждая часть отдѣльно красуется свойственною ей прелестью, и все вмѣстѣ сливается въ одну стройную и чудную картину. Извивистый Босфоръ широкими, лазурными отраслями раскидывается въ разныя стороны. Суда, стоящія на якоряхъ, темными оттѣнками рисуются на его поверхности. Легкіе, продолговатые *каики* скользятъ по немъ, какъ будто безплотные призраки, не возмущая тишины его ни движеніемъ своимъ, едва замѣтнымъ, ни плескомъ веселъ, безъ шума въ воду опускающихся. Передъ домомъ посланника русскій тендеръ празднично свѣтится веселыми огнями. На противоположномъ, Азіятскомъ берегу, перерѣзанныя глубокими долинами, возвышаются горы, образуя величественную раму обширной и роскошной картины. Здѣсь гора, *могила великана*, увѣнчанная развалинами зданія, въ которомъ гнѣздятся дервиши. Недалеко отъ нея мѣста, уже заочно намъ знакомыя памятнымъ для насъ событіемъ. Тутъ въ 1833 г. расположенъ былъ Русскій станъ и прозваніе *ункеаръ-скелесси* внесено на страницы нашей современной исторіи. Вправо выглядываетъ изъ

сумрака *Терапія* съ красивыми домами посольствъ англійскаго и французскаго. Здѣсь на набережной пестрѣетъ и кипитъ настоящій венеціянскій карнавалъ. Мимо насъ проходитъ, свивается и развивается разноплеменная толпа въ разнообразныхъ одеждахъ. Тутъ грекъ, армянинъ, турокъ, славянинъ, каждый, отличающійся особеннымъ отпечаткомъ въ чертахъ, въ походкѣ, рисуется предъ вами и придаетъ общей картинѣ отдѣльный образъ, отдѣльную жизнь и краску. Весь Востокъ въ лицахъ, и стройный, однообразный Западъ теряется въ этомъ радужномъ смѣшеніи красокъ, разностей и народностей. Вотъ турокъ-разнощикъ, съ фонаремъ въ рукѣ, съ лоткомъ на головѣ, дикимъ крикомъ приглашаетъ прохожихъ полакомиться его неприхотливыми сластями. Тутъ расположена при блескѣ огней вечерняя выставка мороженаго; около нея важно и созерцательно сидятъ безпечные поклонники праздности и лѣни. Изъ сѣней открытаго дома вылетаютъ дикіе напѣвы армянской пѣсни подъ строй чего-то, похожаго на многострунную балалайку; предъ дверьми тѣснится кружокъ болѣе внимательныхъ, нежели взыскательныхъ слушателей. Эти пѣсни однѣ нарушаютъ поэтически-безмолвную гармонію ночи. Но и онѣ, при всей своей странности, не вовсе лишены относительной прелести, какъ все то, что самобытно и носитъ на себѣ печать мѣстности и особенности народной.

Но вскорѣ мысленно уклоняешься отъ всѣхъ этихъ пестрыхъ видѣній и забываешь присутствіе людей. Невольно уединяешься въ себя и, отрѣшившись отъ толпы, погружаешься всѣми чувствами въ зрѣлище окружающей

тебя природы. Только и видишь, только и слышишь, что небо и море. Только имъ сочувствуешь и любуешься ими.

Вотъ вамъ, далекіе друзья, наскоро наброшенный очеркъ одного изъ дней, проведенныхъ мною на берегу Босфора.

Письмо къ С. Н. Карамзиной изъ Буюкдере.

Августъ, 1849.

Теперь могу съ нѣкоторымъ благоприличіемъ показаться на глаза Софьѣ Николаевнѣ и напомнить ей о себѣ. Въ объемѣ 30 часовъ, я былъ 18 часовъ на конѣ, болѣе 6 часовъ на ногахъ, карабкаясь на горы и спускаясь съ горъ, и часовъ пять отдыхалъ, если можно назвать отдыхомъ живую пытку жертвы, преданной на терзаніе комарамъ, мушкамъ и разнымъ другимъ человѣколюбивымъ насѣкомымъ, которые оказали мнѣ по своему гостепріимство въ турецкой избѣ селенія Бунаръбаши (глава ключей) и не давали мнѣ прозаически заснуть въ поэтической святынѣ, гдѣ нѣкогда стояла знаменитая Троя. Дворецъ Пріама—и за нимъ турецкая изба! Звучный гомерическій Иліонъ—и Бунаръ-баши! Герои Иліады—и комары и блохи! Какая перемѣна! Какое паденіе! Sic transit gloria mundi! скажете вы съ свойственною вамъ находчивостью и остроумною ученостью.

Какъ бы то ни было, такими вышеупомянутыми подвигами ознаменованы были для меня 7 и 8 августа.

Изъ Дарданеллъ ѣздилъ я верхомъ въ Троаду и обратно, подъ палящимъ зноемъ солнца взбирался на гору, именуемую по-турецки Итъ-гельмэзъ, что значитъ: и собака сюда не влѣзетъ! а я, извольте видѣть, влѣзъ! „Да вы собаку съѣли“, скажете вы съ тою находчивостью, которая ни на минуту васъ не покидаетъ.

Пойдемте далѣе: ночью на конѣ переправился я вплавь черезъ Скамандръ; скакалъ по Троянской равнинѣ, усѣянной мраморными обломками храмовъ, колоннъ и статуй; на развалинахъ Троянской твердыни, или древняго Иліума, привѣтствовалъ восхожденіе солнца, того же самаго, которое озарило и славу, и паденіе многихъ, коротко вамъ знакомыхъ и приснопамятныхъ героевъ *Иліады*; былъ при гробницѣ Гектора, на скорую руку сооруженной Троянами во время перемирія, дарованнаго имъ Ахиллесомъ, и которая еще и теперь,— такъ ли, или не такъ ли,—но загромождена наваленными каменьями, какъ значится у Гомера. Всходилъ я и на могилу Ахиллеса, которая величественно и одиноко стоитъ въ виду моря. Я обошелъ ее почтительно кругомъ, но не раздѣлся наголо, подобно Александру Великому, и даже не обнажилъ головы, чтобы не опалиться знойнымъ солнцемъ. Я пилъ ключевую воду, ту же самую, въ которой нѣкогда жены Троянъ и прелестныя дочери ихъ мыли свое черное бѣлье, и, не смотря на древность этой воды, находилъ въ ней необыкновенную свѣжесть и замѣтилъ, что она нисколько не отзывается мыломъ, которымъ могла бы провонять эта извѣстная портомойня. Это навело меня на догадку, что вѣроятно мыло есть уже новѣйщее изобрѣтеніе и не было еще въ упо-

требленіи во времена Троянской войны. Впрочемъ смиренно предлагаю вамъ мою догадку и предоставляю рѣшить ее. Слишкомъ было бы дерзко мнѣ кидать вамъ пыль въ глаза, или мылить ихъ мнимою моею ученостью. Я далекъ отъ этого. Напротивъ, надѣюсь при свиданіи съ вами передать на любознательное и опытное вниманіе ваше нѣкоторыя изъ моихъ недоумѣній и сомнѣній, чтобы съ вашею помощью мнѣ самому безошибочнѣе и основательнѣе изслѣдовать и провѣрить мои личныя, но бѣглыя впечатлѣнія. Не смѣю даже самъ собою рѣшить и главный вопросъ, который для многихъ остается еще сомнительнымъ, а именно: былъ ли у меня подъ глазами Иліонъ, или не онъ? но во всякомъ случаѣ смѣю удостовѣрить, что тутъ что-то было. А доказательства тому представлю послѣ.

Но какъ попалъ я въ Дарданеллы, или по-турецки въ Богазъ-кале-си (Кале—по турецки значитъ крѣпость; а что значитъ *богазъ*, виноватъ—не знаю, вѣроятно взято съ славянскаго языка, и просто все вмѣстѣ означаетъ: Бога крѣпостца, т.-е. Божья крѣпостца; спросить у Тютчева), а оттуда въ Троаду? спросите вы меня. Вотъ это требуетъ искренней исповѣди, въ которой изобразится не самая похвальная и блестящая часть моей Одиссеи. Знайте же, что мы 4 августа ночью сѣли на пароходъ съ Титовымъ, Андреемъ Муравьевымъ, Войцеховичемъ, Трубецкимъ, Сталемъ, тремя Русскими художниками, и держали путь на Аѳонскую гору. Первыя сутки плаванія нашего, какъ вообще всякаго плаванія, прошли очень благополучно. Море ласкалось къ намъ и небо улыбалось. Я давно замѣтилъ, что первый день плаванія въ

морѣ обыкновенно похожъ на первый медовой мѣсяцъ новобрачныхъ. Союзъ самый миролюбивый: упиваешься нѣгою и счастьемъ. Убаюканное воображеніе не предвидитъ въ будущемъ ни разстройства, ни размолвки, никакой точки преткновенія. Такъ было и съ нами. Мы уже переплыли Мраморное море, Гелеспонтъ, привѣтствовали поэтическимъ воспоминаніемъ берега, прославленные любовью Геро и Леандра и самохвальствомъ Байрона. Передъ нами рисовались украшенные блескомъ баснословныхъ преданій и дѣйствительною прелестью своихъ очерковъ и Имбросъ, и Тенедосъ, и гора Ида, и снѣжныя вершины Самоѳракіи. Замѣтьте еще притомъ, что вся эта живая картина была облита и согрѣта чудесными лучами заходящаго солнца, какого ни въ Римѣ, ни въ Неаполѣ я никогда не видалъ. Зарево чисто золотаго сіянія, или, если хотите, и что по-моему еще ближе къ истинѣ, нѣжно-лимоннаго цвѣта, обняло края видимыхъ нами небесъ. Вообще небо, когда войдешь въ Дарданеллы, уже отражается особенною синевою, которая на Босфорѣ еще довольно тускла и мало чѣмъ отличается отъ нашего сѣвернаго неба, впрочемъ, замѣтить должно, за исключеніемъ звѣздъ, которыя здѣсь горятъ и блещутъ несравненно свѣтлѣе нашихъ вообще лунныхъ ночей, составляющихъ едвали не исключительную принадлежность и прелесть береговъ Босфора.

Въ подобныхъ созерцаніяхъ и наслажденіяхъ пробыли мы на палубѣ до полуночи и отошли въ свои каюты съ увѣреніемъ, что проснемся къ семи часамъ утра у подошвы Аѳонской горы. Скоро сказка сказывается, но не скоро и не такъ дѣло дѣлается. Мы только

что улеглись, а вѣтеръ тутъ и поднялся. Сперва началъ онъ свѣжѣть и посвистывать, а тамъ уже пустился дуть во всю мочь и ревѣть. Море уже не улыбалось намъ по-прежнему, а бѣшено и дико хохотало, волнами заливало палубу, швыряло пароходъ нашъ то въ ту, то въ другую сторону. Пароходъ нашъ, нечего грѣха таить, былъ сложенія не крѣпкаго и не въ силу было ему бороться съ непріятелемъ, который съ каждымъ часомъ все становился сердитѣе и наступательнѣе. Утомленный, онъ уже почти не подвигался впередъ, а только что держался на морѣ и страшно плясалъ въ присядку на одномъ мѣстѣ. Такъ провели мы нѣсколько мучительныхъ и продолжительныхъ часовъ. Вы на морѣ бывали, слѣдовательно знаете, что такое морская качка и всѣ ея послѣдствія внутреннія и внѣшнія, тайныя и невольно отъ избытка сердца изливающіяся. Между тѣмъ вѣтеръ все продолжалъ свѣжѣть, такъ что, признаюсь, меня по кожѣ и подъ кожею подиралъ морозъ. Наконецъ капитанъ парохода пришелъ объявить Титову, что благоразумнѣе будетъ поворотить назадъ и что по слабости парохода онъ долѣе за него не отвѣчаетъ. Такъ и было сдѣлано. Мы бросили якорь у Имброса и выждали конца бури подъ его благодѣтельною защитою. При обратномъ входѣ въ Дарданеллы нашли мы русскій военный корветъ, который тоже, какъ мы, не зналъ куда дѣваться отъ вѣтра, стоялъ прикованный къ мѣсту и тосковалъ по южномъ вѣтрѣ для свободнаго входа въ проливъ. Командиръ корвета, явившійся къ Титову, брался благополучно и скоро доставить насъ на Аѳонскую гору. Это предложеніе соблазнило Титова. Въ теченіе 20-лѣтняго пребы-

ванія своего въ здѣшнихъ краяхъ онъ нѣсколько разъ собирался посѣтить древніе и знаменитые монастыри, и сборы его все оставались неудачными. Обидно и больно было ему на полупути отказаться отъ цѣли, долго ему не дававшейся. Для Муравьева Аѳонская гора была еще привлекательнѣе. Она стояла на первомъ планѣ предначертаннаго имъ путешествія и онъ полагалъ пробыть на ней мѣсяцъ или болѣе. Разумѣется, онъ послѣдовалъ примѣру Титова. Отважная молодежь наша и не задумалась, особенно Трубецкой, который въ блаженномъ невѣдѣніи проспалъ всю бурю и не видалъ ея даже и во снѣ. Дошла очередь до меня. Каюсь въ малодушіи моемъ. Но бурная ночь такъ измучила меня физически и нравственно, или нервически, такъ часто во время тревоги и тоски приходило мнѣ въ голову, что куда и зачѣмъ я пускаюсь во всѣ тяжкія, что мнѣ суждено заснуть на мѣстѣ, а не наѣздничать по волнамъ и по сушѣ и вызывать на рукопашный бой трудности и опасности, съ которыми бороться не умѣю; все это и многое другое такъ живо представилось мнѣ, такъ убѣдительно и прискорбно проникнуло меня, что я отказался и отъ корвета, и отъ Аѳонской горы и отъ храбрыхъ спутниковъ моихъ. Бѣдный инвалидъ тѣломъ и духомъ, остался я на инвалидномъ пароходѣ, столь же дряхломъ и малодушномъ, какъ я. Грустно и обидно было мнѣ смотрѣть на отважный корветъ, который бодро поднялся съ мѣста и, легкій на ходу, сталъ разсѣкать и топтать волны, какъ будто насмѣхаясь надо мною и надъ трусостью моею. Передъ нимъ и счастливцами, которые довѣрились ему, все болѣе и болѣе расширялся горизонтъ

и свѣтлѣло будущее, а я оставался при одномъ прошедшемъ. Судьба сжалилась надо мною и дала мнѣ товарища, съ которымъ могъ бы я подѣлиться стыдомъ и унынiемъ; въ отступленiи на пути богомолья послѣдовалъ за мною, и кто же? одинъ изъ представителей нашего Святѣйшаго Синода—Войцеховичъ! Это меня нѣсколько утѣшило и облегчило совѣсть мою Мы вышли съ нимъ на берегъ въ Дарданеллахъ. Отказавшись отъ душеспасительнаго подвига, мы вспомнили языческихъ боговъ и рѣшились посѣтить Троаду. Нашъ консулъ Фонтонъ взялся быть нашимъ вожатымъ. Въ старые годы я могъ бы подумать, что судьба не безъ умысла подвернула мнѣ Дарданеллы вмѣсто Аѳонской горы. Вы знаете, что она не только недоступна женщинамъ, но что на ней не видится никакая тварь женскаго рода (впрочемъ за исключенiемъ блохъ, которыхъ, говорятъ, тамъ множество). Въ Дарданеллахъ, напротивъ, на первомъ шагу встрѣтила насъ законная представительница прекраснаго пола, жена Фонтона, гречанка, въ нацiональномъ головномъ уборѣ и въ черной бархатной, золотомъ шитой, нацiональной одеждѣ, которая придавала необыкновенно живописную и поэтическую прелесть красотѣ ея. Въ старые годы не обошлось бы тутъ безъ *отношенiй* и стиховъ. Но поэзiя риѳмъ и поэзiя впечатлѣнiй на меня уже не дѣйствуютъ. И судьба осталась при анахронизмѣ своемъ. Позавтракавъ, сѣли мы на коней. Нашъ караванъ былъ довольно живописенъ. Насъ всѣхъ было человѣкъ десять и въ числѣ ихъ турецкiе кавасы (родъ полицейскихъ тѣлохранителей), греки, всѣ вооруженные на всякiй случай саблями, пистолетами, ружьями, кра-

сиво переброшенными за плечи, въ чалмахъ, въ разноцвѣтныхъ колпакахъ, въ широкихъ шальварахъ, болѣе похожихъ на юбку, нежели на мужское исподнее платье, въ разноцвѣтныхъ курткахъ, или, пожалуй, *зипунахъ* (по-турецки зебунъ). За рѣдкими исключеніями, дорога намъ лежала по песчаному и голому берегу моря и по степи, выжженной солнечнымъ зноемъ. Кое-гдѣ мелькали колючіе кустарники и тощія деревья. О зелени, о травѣ и не спрашивайте. О цвѣтахъ и подавно. Лѣто, какъ язва, здѣсь все поѣдаетъ. Благодать природы и человѣческій трудъ рѣдко давали знать о себѣ малыми участками обработанныхъ полей и на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго ключами, камнемъ обложенными, откуда истекала довольно тепловатая, но чистая вода. Тутъ караванъ нашъ дѣлалъ коротенькій привалъ для утоленія жажды коней и всадниковъ. Эти фонтаны, разбросанные по всему лицу Турецкой земли, по городамъ, селеніямъ и полямъ, едвали не одни свидѣтельствуютъ о присутствіи человѣческой мысли и чувства посреди безсмысленнаго и мертваго владычества Турковъ страною, которая только ждетъ пособія человѣческой дѣятельности и заботливости, чтобъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ и наслажденіямъ жизни. Большая часть фонтановъ (нѣкоторые изъ нихъ устроены съ роскошью) сооружены вслѣдствіе богоугодныхъ завѣщаній зажиточныхъ Турковъ, которые опредѣляли капиталъ, дабы по смерти своей утолять, если не духовную (здѣсь еще не пробужденную), то по крайней мѣрѣ тѣлесную жажду бѣдныхъ и томящихся земныхъ странниковъ—и за то спасибо! Есть по истинѣ за что́ благословить добрымъ

словомъ память усопшаго благодѣтеля. Въ слѣпотѣ своей, онъ какъ-будто угадалъ слова невѣдомаго ему Спасителя: „кто напоитъ одного изъ малыхъ сихъ чашею холодной воды, тотъ не лишится награды своей".—Отъ того ли, что Магометъ запретилъ имъ хмѣльное, но Турки большіе охотники до воды, и прихотливые и взыскательные цѣнители. Гдѣ ключъ свѣжей и вкусной воды, тамъ уже непремѣнно и кофейная, и сборное мѣсто гуляющихъ, т.-е. неподвижно сидящихъ Турковъ и Турчанокъ. Здѣшнія гулянья нечто иное, какъ *посидѣлки*. Впрочемъ это встрѣчается въ нашемъ и простомъ народѣ и среднемъ классѣ. Вообще удостовѣряешься здѣсь, что многіе наши старинные и въ народѣ сохранившіеся обычаи перенесены къ намъ съ Востока. Россія, лежащая на крайнихъ рубежахъ Запада и Востока, должна была по неволѣ забираться то тѣмъ, то другимъ, налѣво и направо. Напрасно ставятъ это намъ въ вину.

Въ сторону отъ дороги посѣтили мы развалины, или, правильнѣе, мѣсто, на коемъ стоялъ въ древности храмъ Аполлона, нынѣ усѣянное мелкими мраморными обломками. На этой землѣ, преданной опустошенію, нѣтъ даже и развалинъ. Въ развалинахъ сохраняется память старины, а здѣсь въ царствѣ смерти и ничтожества заглохъ и этотъ посмертный голосъ минувшаго.

Далѣе, въѣхали мы въ греческое селеніе *Ренкёй* построенное на краю уже извѣстной вамъ горы Итъгельмэзъ, поросшей лѣсомъ, что здѣсь весьма рѣдко, ибо горы здѣсь обыкновенно лысыя и голыя, изрытыя и загроможденныя камнями. Мѣсто живописное и свѣтлое, съ обширнымъ видомъ на море, иллюстрированное поэ-

зіею Гомера, который здѣсь одинъ всюду и всегда живъ и все собою наполняетъ. Селеніе, какъ и всѣ греческія селенія, отличается нѣкоторою опрятностью и благовидностью, въ сравненіи съ турецкими селеніями, запечатлѣнными мерзостью и запустѣніемъ. Здѣсь также повѣяло на меня Русью. Греческія поселянки напомнили, одеждою и нѣкоторыми пріемами, нашихъ крестьянокъ. Особенно старухи. Молодыя, не во гнѣвъ будь сказано нашимъ, вообще стройнѣе и красивѣе русскихъ.

Въ домѣ, гдѣ остановились мы, чтобы дать отдохнуть себѣ и лошадямъ, гдѣ выпили мы по чашкѣ неизбѣжнаго кофе, выкурили по трубкѣ и утолили горячую внутренность нашу нѣсколькими ломтями довольно безвкуснаго арбуза, нашли мы двухъ сестеръ замѣчательной красоты. Жаль, что не было между нами живописца. На всемъ пространствѣ отъ Дарданеллъ до Трои одно это селеніе и окружность его услаждаетъ зрѣніе живою, здоровою и цвѣтущею природою. Все прочее носитъ отпечатокъ безплодія, болѣзненности и помертвѣнія. Вообще, турецкая природа, даже тамъ, гдѣ она оживлена движеніемъ и разнообразностью, имѣетъ что-то грубое и дикое, безъ благородства и величавости. Все какъ-то смѣшано, сбито, взъерошено. Нигдѣ не отдѣляются стройныя, чистыя облака, которыя образуютъ особенную прелесть картинной Италіи. Въ Италіи и сама природа отличается какою-то художественною отдѣлкою. Здѣсь все чего-то недостаетъ. Любуешься картиною, говоришь: прекрасно! а за восклицаніемъ невольно вырывается возразительно—но! Въ чемъ заключается это *но* и все то, что изъ него изливается—выразить трудно и невозможно.

Есть убѣжденіе, но не пріищешь доказательства. Впрочемъ, сила этого *но* таится, можетъ быть, не въ окружающей меня природѣ, а во мнѣ самомъ. Я боленъ и мнѣ кажется, что природа больна. Во всякомъ случаѣ примите мое сужденіе только къ свѣдѣнію, а не за окончательный приговоръ. Сужу пока по видѣнному мною, а многаго я еще не видалъ. Можетъ быть послѣ, когда прояснится мое сердечное зрѣніе, когда болѣе ознакомлюсь съ здѣшними мѣстностями, ожидаютъ меня впереди впечатлѣнія, которыя во многомъ исправятъ мое настоящее неблагопріятное предубѣжденіе. Пока остаюсь при своемъ мнѣніи, а именно, что природа здѣсь мѣстами живописна, но что въ ней мало поэтическаго; что свойство красоты ея болѣе вещественное, нежели духовное, ничто не умиляетъ души сладостнымъ уныніемъ; что скорби не отрадно думать здѣсь о прошедшемъ и радости мечтать о будущемъ. Однимъ словомъ, здѣсь, какъ народъ, такъ и природа, обезжизнены, какъ будто и на нее повѣялъ тлетворный духъ неподвижнаго исламизма. За то если это не страна поэзіи,—живописи здѣсь обильная жатва. Все такъ и ложится подъ кисть и карандашъ живописца. Эти стада верблюдовъ, кочующихъ въ степи; водопои, въ которыхъ кони наши утоляли жажду свою; огромныя, волами и буйволами запряженныя, колесницы, какъ будто сейчасъ только-что вывезенныя изъ сараевъ царя Пріама, съ хлѣбомъ и другими полевыми произведеніями; доски, которыя тащутся по землѣ и молотятъ сырой хлѣбъ, также вѣроятно допотопное, или по крайней мѣрѣ догомерическое орудіе молотьбы, все это и тысячу другихъ подробностей—

драгоцѣнная находка для живописца, особенно когда оживить и распестрить картину рѣзко означенными лицами и странностью одеждъ и уборовъ, когда озарить и согрѣть картину блескомъ восточнаго солнца и воздуха, а вдали пролить голубое сіяніе моря.

Между тѣмъ, чтобы не остаться хвастуномъ, нужно мнѣ предъ окончаніемъ повѣствованія моего сдѣлать маленькую оговорку. Читая въ началѣ письма моего, что я вплавь и еще ночью переплылъ рѣку, которую боги наименовали Ксанѳомъ, а смертныя Скамандромъ, вы безъ сомнѣнія предались вашимъ гомерическимъ воспоминаніямъ и трепетали за меня. Передъ вашимъ воображеніемъ оживотворилась 21 пѣснь *Иліады*. Вы видѣли во мнѣ Ахиллеса, бросившагося въ Скамандръ; вамъ представилось, что я подобно ему борюсь съ божественною и гнѣвною рѣкою, которая гонится за мною и грозитъ затопить меня своими поглощающими волнами. Вслѣдъ за Гомеромъ пришелъ можетъ быть вамъ на умъ Байронъ, переплывающій заливъ, чтобы лишить Леандра славы, которою онъ ни съ кѣмъ нераздѣльно пользовался въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, а еще болѣе, чтобы, въ лицѣ Геро, усмирить спѣсь красавицъ и доказать имъ, что подвигъ Леандра плевое дѣло и что красотѣ нисколько не слѣдуетъ гордиться этою данью; я вижу, что глаза ваши увлажились слезами, слышу какъ голосомъ, дрожащимъ отъ сердечнаго волненія, восклицаете вы: „воля ваша, господа, а подвигъ дяди моего еще поотважнѣе и почище подвига британскаго лорда! и смотрите, какъ онъ скромно о немъ отзывается. Патріотическому сердцу моему усладительно видѣть, что наши отечествен-

ные сочинители ни въ чемъ не уступаютъ чужеземнымъ, а по нравственному достоинству еще во многомъ превосходятъ ихъ. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе горжусь именемъ Россіянки!“

Софья Николаевна, ради Бога, успокойтесь, выкушайте водицы и закурите пахитосъ. Восторгъ вашъ крайне для меня лестенъ, онъ умиляетъ душу мою признательностью къ вамъ. Но дайте вамъ доложить всю правду. Совѣсть моя не позволяетъ оставить васъ въ заблужденіи. Въ подвигѣ моемъ не было никакого подвига. Я не Леандръ и не Ахиллесъ и не лордъ Байронъ. Не знаю, что былъ Скамандръ во время десятилѣтней осады Трои, но нынѣ эта знаменитая рѣка самая мелкая рѣченка, которую курица безопасно въ бродъ переходитъ. Правда, сказываютъ, что и въ наше время зимою накопляется она водами, стекающими съ горъ, широко разливается и затопляетъ всѣ окрестности. Но тутъ, увѣряю васъ, не подвергался я ни малѣйшей опасности.

На другой день, вечеромъ, возвратился я въ Дарданеллы, ночевалъ подъ гостепріимнымъ кровомъ красивой гречанки, а на слѣдующее утро сѣлъ на французскій пароходъ, биткомъ набитый бѣглыми мятежниками венгерскими, польскими, сицилійскими, римскими, и отправился и благоголучно прибылъ въ Константинополь. Ночь была тихая и плаваніе самое покойное, такъ что мнѣ ни разу не сгрустилось, то-есть не стошнилось. И слава Богу что не было бури, а то при устройствѣ пароходной команды могла бы случиться бѣда. Капитанъ парохода былъ отчаянный соціалистъ, а прочіе офицеры отъявленные охранители и легитимисты. Офицеры и капитанъ

были въ непримиримой враждѣ и не говорили другъ съ другомъ. Вѣроятно они воспользовались бы бурею, чтобы потопить одинъ другаго и мы сдѣлались бы жертвами этой междоусобной ненависти.

Теперь, что я возвратился, если мнѣ повѣрить итогъ моихъ впечатлѣній и того, что вынесъ я изъ моей поѣздки, вотъ что окажется: во-1-хъ, убѣжденіе, что я въ морѣ ни на что не гожусь, а на сухомъ пути еще могу постоять за себя и не хуже Софьи Николаевны просидѣть нѣсколько часовъ на конѣ; во 2-хъ, нѣкоторыя пріятныя воспоминанія о Троадѣ и глубокая грусть и скорбь, что не попалъ на Аѳонскую гору.

Константинополь. 7 Апрѣля, 1850.

Nous avons dîné chez Paul; le soir concert de Svetchine (?), nous n'y sommes pas allés; à $11^{1}/_{2}$ quelques personnes se sont réunies pour prendre le thé, les Golitzine, Fossati, Timoféew, Gabriac et les M-rs de la mission. Dans l'avant-soirée Sir Strattford Canning est venu prendre congé de nous; il nous a dit, entre autres choses, qu'il n'y avait que deux honnêtes hommes en Europe, — les Russes et les Anglais, en faisant sous-entendre que les nations sympathisaient déjà entr'elles, et que c'étaient les gouvernements, c. à d. probablement, selon lui, le gouvernement russe, qui y mettait des obstacles; d'après son opinion, c'est la mauvaise foi et les promesses non remplies de la part des gouvernements, qui sont en grande partie cause de toutes les révolutions, auxquelles l'Europe est livrée aujourd'hui. Il vaut mieux, disait-il, ne rien promettre et faire ce que l'on peut pour le bien de ses sujets. Un peu après minuit, Golitzin est venu me dire que Marco venait de lui annoncer qu'il y avait une secousse de tremblement de terre; au salon personne de nous ne s'en est douté; Mariani, qui venait de rentrer au palais, a confirmé la nouvelle; nous sommes allés aux enquêtes, et de

toute part effectivement il nous est revenu, que la secousse avait été assez forte. Nous nous sommes couchés après une heure du matin. Vers les deux heures et demie je me suis réveillé et quelques minutes après, les fenêtres ont tremblé et une assez forte commotion s'est fait sentir; mais comme il faisait obscur, nous n'avons pu voir aucune oscillation dans la chambre. Ma femme avait senti son lit manquer sous elle; elle avait éprouvé une espèce de défaillance; quant à moi, j'ai eu une forte palpitation, en général une impression très penible, et quelques instants de terreur panique. Dans l'étage d'en haut Troubetzkoy a éprouvé une secousse plus forte, et l'archimandrite, avant le mouvement, a entendu comme un bruit de pas et de voix, qui semblaient parcourir le palais, que Titoff a visité le lendemain, sans trouver aucune crevasse. Dans la maison de bois qu'occupent Paul et Marie, le mouvement a été plus sensible, et ils ont vu, comme les murs allaient et venaient d'un côté et d'autre. On prétend qu'à 6 heures du matin, il y a eu encore une légère secousse; la journée n'avait pas été chaude, et le soir il pleuvait et faisait même froid. D'après les descriptions, que l'on fait des tremblements de terre, on dit ordinairement le nombre de secondes qu'ils durent, et le calcul me parait fort sujet à caution, car il faudrait avoir les yeux fixés sur la montre à la première commotion et ne pas la perdre de vue pendant toute la durée du tremblement de terre pour que le calcul soit juste. Quelqu'un m'a dit à cela, que c'était d'après les paroles ou les prières, prononcées pendent cette terreur, qu'on arrêtait le calcul.

Le Samedi 8 (20) Paul et Marie sont venus prendre congé de nous chez d'Ettoniano (?) dans l'appartement vide des Golitzine, qui étaient allés prendre congé de Buyukdéré; ils nous ont reconduits, avec les Titoff, jusqu'à l'échelle de Topkhana; une chaloupe russe nous a conduits à bord du bateau l'Africa de la compagnie Lloyd. Entre 4 et 5 heures on a levé l'ancre, l'air était froid, la mer calme et nous nous embarquâmes avec le projet de nous rendre à Jérusalem. Le pont du bateau est envahi par des Turcs hommes et femmes; ils sont parqués séparément, comme des moutons, et y passent le jour et la nuit avec un tas d'enfants. Spectacle aussi sale que pittoresque; le bateau à vapeur a rompu la captivité et l'invisibilité des femmes turques; elles sont là exposées à la vue de tout le monde, et accessibles aux questions qu'on leur adresse. Une espèce de чиновникъ turc, d'assez haute dignité, qui se rend à Damas, une foule de serviteurs à ses côtés, nous a offert du café turc; il fume dans un bout d'ambre enrichi de diamants. En général, je trouve beaucoup de bonhomie dans les Turcs. Deux petites filles anglaises: l'une de dix, l'autre de six ans, voyagent toutes seules et se rendent à Smyrne pour y être placées à l'école.—Vers 4 heures du matin, le Dimanche 9 (21), nous nous sommes arrêtés pour une demie heure devant Galipoli, et à 7 heures—devant la forteresse des Dardanelles. Fonton est venu nous voir à bord; un batelier nègre, nommé Sélim, d'une grosseur immense, espèce d'éléphant à deux pieds, toujours riant et gai, est connu dans le pays comme le loup blanc; Fonton nous a dit qu'il était d'une force prodigieuse pour soulever

des poids énormes, et méchant, ce qui l'avait souvent mené à être mis en prison. Arrêtés pour un quart d'heure devant Ténédos, rocher désert, avec un fort et quelques habitations sur le bord de la mer; mes anciennes connaissances—la plaine de Troie et le tombeau d'Achille, les sommets neigeux, la mer bleue d'un tout autre éclat que le Bosphore; le temps continue à être beau, et la mer calme, nous faisons 11 noeuds à l'heure; mais le bateau Anglais, parti un peu après nous de Constantinople, nous a cependant dépassés; il est de la force de 450 chevaux et le nôtre ne l'est que de 250.—Notre capitaine est très prévenant et comme il faut; on a hissé le pavillon russe en notre honneur.

Останавливались предъ Cap Baba—сѣрые берега, на которыхъ торчатъ сѣрыя строенія, то есть лачужки, землянки. Нѣтъ мнѣ удачи на морѣ: если не своя бѣда, то чужая навяжется. Мы плыли благополучно и скоро; но пароходъ Тріестскій, съ которымъ мы должны были встрѣтиться въ первую ночь, не попадался намъ. Нашъ капитанъ озабоченъ былъ мыслью, что́ съ нимъ сдѣлалось. Мы прошли мимо островов...., у которыхъ стояла французская эскадра во время размолвки нашей съ Турками. Подалѣе, не доходя до острова Митилена, стоятъ скалы въ морѣ и мель. На нее наткнулся Тріестскій пароходъ и пробился о камни. Мы пошли ему на выручку вмѣстѣ съ англійскимъ пароходомъ, который вмѣстѣ съ нами плылъ въ Смирну, но всѣ усилія были напрасны. Англійскій пароходъ очень ловко дѣйствовалъ, лучше австрійскаго. Капитанъ нашъ рѣшился остаться тутъ до утра, чтобы пересадить пассажировъ и въ случаѣ непо-

годы помочь кораблю, въ которомъ открылась течь. Волненіе и ропотъ между турецкими пассажирами. Турецкій чиновникъ Бей сердился и требовалъ, чтобы къ вечеру, по условію, доставили его въ Смирну. Солдаты и черный народъ говорили, что они взяли съѣстные припасы до вечера. Жиды и переметчики приходили сказывать, что ночью солдаты собираются сдѣлать *революцію*, если не отправятся. Къ утру пересадили къ намъ около двухъ сотъ пассажировъ и въ 7 часовъ поднялись мы съ якоря. Такимъ образомъ, на одномъ и томъ же пароходѣ и въ одно и то же время были люди плывшіе изъ Смирны и плывшіе въ Смирну.

Островъ Митиленъ. Красивое мѣстоположеніе, крѣпость на возвышеніи и дачи на морскомъ берегу. Все усажено масличными деревьями довольно высокими. Отъ жестокости нынѣшней зимы онѣ много пострадали. Бросили якорь въ Смирнской гавани часу въ 4-мъ по полудни, въ понедѣльникъ 10 апрѣля. Остановились въ лучшей гостинницѣ, довольно плохой—Les deux Augustes. Улица Франковъ довольно красивая улица съ хорошими домами. Кофейная на берегу моря—La bella vista. Въ числѣ нашихъ пассажировъ смуглый дервишъ, родъ турецкаго юродиваго.

11. Дождь. Нельзя гулять. Парохода австрійскаго въ Бейрутѣ нѣтъ. Всѣ пошли на выручку погибшаго товарища и мы сидимъ на мели. Скучно. Не читается, не разговаривается. Всякое новое мѣсто, пока къ нему не привыкну, возбуждаетъ во мнѣ не любопытство, а уныніе. Шатобріанъ, замѣтки о Смирнѣ, извлеченіе изъ Choiseul. Недоумѣніе: не отправиться ли

съ англійскимъ пароходомъ! Австрійская компанія не возвращаетъ намъ денегъ, уплаченныхъ до Бейрута. Несправедливо, потому что несчастіе случилось не съ нашимъ пароходомъ и не съ тѣмъ, на которомъ должны мы были отплыть, слѣдовательно нѣтъ законной причины держать насъ.

12. Мы все еще въ Смирнѣ. О пароходѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Многіе дома, въ кварталѣ Франковъ, особенно греческіе, могутъ вѣроятно дать понятіе о строеніяхъ, которыя были въ Помпеѣ. Чистыя сѣни съ мраморнымъ поломъ, или камушками бѣлыми и черными на подобіе мозаики (камушки эти привозятся изъ Родоса); за сѣнями вымощенный дворъ, потомъ садикъ, убранный лимонными и померанцевыми деревьями; далѣе терасса на море. Все очень чисто и красиво. Всѣ лѣстницы и корридоры устланы коврами. Мы заходили въ нѣкоторые дома; очень радушно были приняты. Дома здѣсь строются какъ въ Перѣ, деревянными рамами, которыя обкладываютъ глиной и камнями, сверху штукатурка; а иные дома обложены мраморомъ; почти всѣ дома въ безпорядкѣ въ отношеніи къ мебели. Вслѣдствіе многократныхъ землетрясеній, бывшихъ въ теченіи мѣсяца, въ опасеніи новыхъ,—многіе жители даже выѣхали изъ города. Дома напоминаютъ Помпею, а можетъ быть та же участь угрожаетъ и Смирнѣ. Вчера былъ я у нашего консула Иванова. Онъ здѣсь уже 19 лѣтъ, любитель древности. У него нѣсколько мраморныхъ бюстовъ, обломковъ замѣчательныхъ. Кажется тихой и малообщежительный человѣкъ. Базаръ меньше Константинопольскаго. Домъ еврея Веньямина Мозера, русскаго поддан-

наго. Навязавшійся на меня чичероне, жидъ, чтобы похвастать своимъ соплеменникомъ, водилъ меня туда. Большой, даже чистый домъ, съ прекраснымъ видомъ. Хозяина не было дома; но меня въ немъ приняли и угощали три женскія поколѣнія. Жена сына, Султана, красавица, бѣлокурая жидовка; вышла замужъ 11 лѣтъ, теперь ей 14 и кажется беременна. Кофейная передъ садомъ. Тутъ, по вечерамъ, сходятся сидѣть и гулять. Въ кварталѣ Франковъ есть Улица Розъ, не знаю почему такъ названная, но я не видалъ въ ней ни розъ на вѣткахъ, ни розъ въ юбкахъ. Турчанки закрываютъ здѣсь лица чернымъ покрываломъ. Вечеромъ были мы въ кофейной, на берегу моря, La bella vista; музыка. Подъ эту музыку греческіе мальчики, рыбаки, импровизировали довольно стройные скачки. Сегодня былъ опять на базарѣ, потомъ ѣздилъ я съ баварскимъ нашимъ спутникомъ барономъ Шварцомъ, на ослахъ, на Мостъ Каравановъ на Мелесѣ, рѣкѣ извѣстной Гомеру. По этому мосту проходятъ всѣ караваны верблюдовъ, идущіе изъ Малой Азіи; но при мнѣ не прошло ни одного верблюда, также не видалъ я на улицахъ ни одного Смирніотскаго женскаго костюма, о которомъ такъ много слыхалъ. Но красота Смирніотокъ не вымышлена; на улицахъ много встрѣчаешь красавицъ. Мѣстоположеніе Моста Каравановъ красиво. Мелесъ льется съ шумомъ. Кладбище съ высокими кипарисами; вдали горы. Вообще всѣ города на Востокѣ рядъ кофейныхъ, торговыхъ лавокъ и кладбищъ. Здѣшній паша Галиль, котораго мы кажется видѣли въ Москвѣ у Дохтуровыхъ, говорятъ, человѣкъ дѣятельный и благонамѣренный. Онъ назначенъ сюда, или сосланъ

сюда потому, что считается приверженцемъ Русскихъ, женатъ на сестрѣ султана и удаленъ изъ Константинополя вліяніемъ Решидъ-паши. Въ Самосѣ было на дняхъ большое кровопролитіе. Жители недовольны управленіемъ Вогоридеса, или его повѣренныхъ и просили о перемѣнѣ его. Недовольныхъ взяли подъ стражу, нѣсколько сотъ человѣкъ пришли изъ деревень просить объ ихъ освобожденіи. Ихъ встрѣтили выстрѣлами, они на нихъ тѣмъ же отвѣчали. Завязалась драка. Турецкаго войска было около 2000. Самоссцы ушли въ горы. Турки бросались въ греческіе дома и начали рѣзать все, что ни попадалось: женщинъ, дѣтей; ворвались въ церкви, разграбили ихъ, повыкидали всѣ образа. Мустафа-паша, адмиралъ командующій войсками, отправился въ Константинополь съ нѣкоторыми изъ зачинщиковъ Самосскихъ. Одна часть недовольныхъ сдалась, но другая все еще требуетъ смѣны Вогоридеса. Вогоридесъ покровительствуемъ Решидъ-пашою, и пользуясь этимъ покровительствомъ, отягощаетъ народъ большими и беззаконными поборами. Кажется долженъ онъ вносить въ казну до 400,000 піастровъ, а сбираетъ съ него болѣе двухъ милліоновъ. Ничего нѣтъ скучнѣе и глупѣе какъ писать или диктовать свой путевой дневникъ. Я всегда удивляюсь искусству людей, которые составляютъ книги изъ своихъ путешествій. Мои впечатлѣнія никогда не бываютъ плодовиты, и особенно не умѣю я ихъ плодить. Путешественнику нужно непремѣнно быть немного шарлатаномъ.

Grégoire Abro, interprète du consulat général. Mardi $^{8}/_{20}$ Avril arrivés à 6 heures du matin à Beyrouth.

Mercredi $\frac{19 \text{ Avril.}}{1 \text{ Mai.}}$ nous repartons pour Jaffa. Nous avons écrit à Paul par M-r Titoff. Jeudi $^{13}/_{25}$ Avril, entre 4 et 5 heures de l'après dîner, nous nous sommes embarqués pour Rhodes, où nous sommes arrivés Samedi soir le $^{15}/_{27}$. Nous avons passé la nuit à bord et sommes repartis pour Chypre; nous sommes arrivés Dimanche le $^{16}/_{28}$. Nous en sommes repartis Lundi soir le $^{17}/_{29}$ et sommes arrivés à Beyrouth le $^{18}/_{30}$. Nous sommes repartis mercredi soir pour Jaffa, où nous sommes arrivés jeudi matin et repartis le même soir pour aller coucher à Ramlé, couvent grec. Vendredi, avant l'aube, nous nous sommes remis en route et sommes arrivés à Jérusalem à temps pour la cérémonie du Vendredi saint. Le 21 Avril 1850. Nous avons écrit à Paul par M-r Titoff de Jérusalem le 23, et remis la lettre à l'agent du Lloyd, M-r Laurollo.

Схимонахъ Кириллъ монастыря Св. Саввы—отставной унтеръ - офицеръ лейбъ - гвардіи егерскаго полка. Въ монастырѣ съ 1842 года. Имѣетъ прусскій крестъ — настоящій крестоносецъ древнихъ временъ. Съ жаромъ говоритъ о Кульмскомъ сраженіи. Добрый и простой старикъ.

Nous partons, 25, Mardi à 4 heures du matin avec Wolkoff et le Pr. Hilkoff pour Jéricho, le Jourdain et la Mer Morte. Notre expédition a été des plus heureuses et des plus agréables; nous sommes revenus le jeudi 27 Avril et nous sommes repartis, 28, Vendredi, les M-rs pour le couvent S-t Saba; ils coucheront (?) à Bethléem, où je vais les attendre. Le mitropolite de Bethléem m'a donné un débri de la table de marbre, posée par l'impératrice Hélène sur l'endroit même où naquit Jésus. Au nombre de

clefs, qui renferme celle, avec laquelle il ouvrait l'armoire où étaient déposés ces restes sacrés et d'autres, il est impossible de douter du cas qu'il fait et de l'authencité de ces reliques. Il m'a donné des débris de mosaïque de la grande église, fondée par l'empereur Justinien et restaurée par les soins de l'imp ératrice Hélène, où se trouvent cinquante colonnes de marbre. Mon mari a été indisposé, ce qui fait que nous ne sommes repartis pour Jérusalem que Dimanche, le 30, après avoir entendu la messe, moitié arabe, moitié russe. Mardi, 2 Mai, j'ai entendu une messe toute russe au Golgotha.

На островѣ Родосѣ замѣчательна улица *Рыцарей*, въ которой хорошо сохранились древнія зданія съ гербами, девизами и пр. Нынѣ гнѣздятся въ нихъ Турки. Мы заходили въ садъ турка, который при насъ наблюдалъ за работами въ своемъ саду. Прекрасныя померанцевыя деревья и самый здоровый климатъ. Жители долголѣтны. На островѣ Кипрѣ городъ Ларнака; насъ тутъ приняли очень радушно и духовенство и свѣтскіе жители; вѣроятно и потому, что изъ Смирны были мы на пароходѣ съ Кипрскимъ жителемъ, который отрекомендовалъ насъ своимъ соотчичамъ. Въ особой запискѣ значатся имена всѣхъ лицъ, съ которыми мы, въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ, познакомились и подружились. Духовенство монастыря Св. Лазаря, который, по воскресеніи своемъ, жилъ и умеръ на островѣ Кипрѣ, подало мнѣ записку объ исходатайствованіи имъ дозволенія звонить въ колоколъ. При входѣ моемъ въ монастырь въ колоколъ звонили, но просили меня, на всякій случай, если турецкое начальство будетъ взыскивать за это на-

рушеніе общаго постановленія, сказать, что я привезъ этотъ колоколъ въ даръ монастырю и сдѣланъ былъ нами одинъ опытъ. Въ Ларнакѣ нашелъ я греческаго архимандрита, который былъ въ Петербургѣ и показалъ мнѣ письмо къ нему князя Александра Николаевича Голицына и я узналъ въ немъ почеркъ Александра Тургенева. Кипръ одинъ изъ самыхъ жаркихъ мѣстъ Въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣстами жатва была уже окончена, а мѣстами еще продолжалась; но климатъ, сказываютъ, нездоровый. Яффа окружена садами апельсинными.

Сводъ безоблачно-синій
Іудейскихъ небесъ,
Безпредѣльность пустыни,
Одинокихъ древесъ
Пальмы, маслины скудной
Безпріютная тѣнь,
Позолотою чудной
Ярко блещущій день.

По степи—рѣчки ясной
Не бѣжитъ полоса,
По дорогѣ безгласной
Не слыхать колеса;
Только съ ношей своею
(Что ему зной и трудъ?)
Длинно вытянувъ шею,
Выступаетъ верблюдъ;

Ладія и телега
Сихъ безжизненныхъ странъ,
Онъ идетъ до ночлега;
И за нимъ караванъ,

Иль, бурнусомъ обвитый,
На верблюдѣ верхомъ,
Бедуинъ сановитый,
Знойно-смуглый лицомъ.

Словно зыбью качаясь,
Онъ торчитъ и плыветъ,
На ходу подаваясь
То назадъ, то впередъ.
Иль промчитъ кобылица
Шейха съ длиннымъ ружьемъ,
И кружится, какъ птица,
Подъ лихимъ сѣдокомъ.

Помянувъ Магомета,
Всадникъ, встрѣтясь съ тобой,
Къ сердцу знакомъ привѣта
Прикоснется рукой.
Полдень жаркій пылаетъ,
Воздухъ—словно огонь;
Путникъ жаждой сгараетъ
И томящійся конь.

У гробницы съ чалмою
Кто-то вырылъ родникъ;
Путникъ жадной душою
Къ хладной влагѣ приникъ.
Благодѣтель смиренный!
Онъ тебя отъ души
Помянулъ, освѣженный
Въ опаленной глуши.

Вотъ подъ сѣнью палатокъ
Бытъ пустынныхъ племенъ:
Женскій складъ—отпечатокъ
Первобытныхъ временъ;
Вотъ библейскаго вѣка
Вѣрный сколокъ: точь въ точь
Молодая Ревекка,
Ваѳуилова дочь.

Голубой пеленою
Станъ красивый сокрытъ;
Взоръ восточной звѣздою
Подъ рѣсницей блеститъ.
Величаво-спокойно
Дѣва сходитъ къ ключу,
Водоносъ держитъ стройно,
Прижимая къ плечу.

Въ полѣ кактусъ иглистый
Распускаетъ свой цвѣтъ.
Въ дальней тьмѣ—каменистый
Аравійскій хребетъ.
На вершинахъ суровыхъ
Гаснетъ день средь зыбей
То златыхъ, то лиловыхъ,
То зеленыхъ огней.

Чудно блещутъ картины
Яркихъ красокъ игрой.
Свѣтлый край Палестины!
Упоенный тобой,

Предъ разсвѣтомъ, пустыней
Я несусь на конѣ
Богомольцемъ къ святынѣ,
Съ дѣтства родственной мнѣ.

Шейхъ съ летучимъ отрядомъ—
Мой дозоръ боевой
Впереди; сзади, рядомъ
Вьется пестрый ихъ рой.
Недовѣрчиво взгляды
Озираютъ вокругъ:
Хищный врагъ изъ засады
Не нагрянетъ ли вдругъ?

На пути, чуть пробитомъ
Средь разорванныхъ скалъ,
Конь мой чуткимъ копытомъ
По обломкамъ ступалъ.
Сонъ—подъ звѣзднымъ наметомъ;
Запылали костры;
Сонъ тревожитъ налетомъ
Вой шакаловъ съ горы.

Эпопеи священной
Древній міръ здѣсь разверзтъ:
Свитокъ сей неизмѣнный
Начерталъ Божій перстъ.
На Израиль съ завѣтомъ
Здѣсь сошла Божья сѣнь:
Возсіялъ здѣсь разсвѣтомъ
Человѣчества день.

Край святой Палестины,
Край чудесъ искони!
Горы, дебри, равнины,
Дни и ночи твои,
Внѣшній міръ, міръ подспудной,
Все, что̀ было, что̀ есть,—
Все—поэзіи чудной
Благодатная вѣсть!

И въ отвѣтъ на призванье,
Жизнь, горѣ возлетѣвъ,
Жизнь—одно созерцанье
И молитвы напѣвъ.
Отблескъ свѣтлыхъ видѣній
На душѣ не угасъ:
Дни святыхъ впечатлѣній
Позабуду ли васъ?

Іерусалимскій паша сказывалъ мнѣ сегодня, мая 4, что жителей въ Іерусалимѣ около 30 тысячъ и что на Пасху пришло въ нынѣшнемъ году до 30 тысячъ поклонниковъ христіанъ и мусульманъ. Мусульмане въ тоже время приходятъ на поклоненіе мнимой Моисеевой гробницѣ вблизи Іерусалима. Это мусульманское богомольство учреждено, кажется, съ недавняго времени, чтобы на время необыкновеннаго стеченія христіанъ въ Іерусалимѣ усилить мусульманское народонаселеніе: ибо Турки все боятся, что христіанскіе поклонники когда нибудь да овладѣютъ Іерусалимомъ.

Геѳсиманія. У Матѳея: „И воспѣвше, изыдоша въ гору Елеонску" (26, 30) „Тогда пріиде съ ними Іисусъ въ весь, нарицаемую Геѳсиманіа" (26, 36).

У Марка: „И воспѣвше, изыдоша въ гору Елеонскую" (14, 26). „И пріидоша въ весь, ейже имя Геѳсиманіа" (14, 32). Вообще многое въ послѣднихъ главахъ Марка повтореніе, и почти слово въ слово, сказаннаго Матѳеемъ.

У Луки: „И изшедъ иде по обычаю въ гору Елеонскую: по немъ же идоша ученицы его. Бывъ же на мѣстѣ (какомъ — не сказано), рече имъ: молитеся... И самъ

отступи отъ нихъ яко верженіемъ камене, и поклонь колѣна моляшеся" (22,39—41). О Геѳиманіи не упоминается.

У Іоанна: „И сія рекъ Іисусъ, изыде со ученики своими на онъ-полъ потока Кедрска (темный), идѣже бѣ вертоградъ, въ оньже вниде самъ и ученицы его. Вѣдяше же Іуда предаяй его мѣсто: яко множицею собирашеся Іисусъ ту со ученики своими" (18, 1—2).

Латины показываютъ одно мѣсто, гдѣ молился и страдалъ Спаситель, а Греки другое. Вообще главная мѣстность хорошо обозначена Евангелистами; но жаль, что хотятъ въ точности опредѣлить самое мѣсто, самую точку, гдѣ такое-то и такое-то событіе происходило. Тутъ опредѣлительность не удовлетворяетъ, а напротивъ рождаетъ сомнѣніе.

Садъ Геѳиманія нынѣ заключается въ небольшомъ участкѣ земли, обведенномъ каменною оградою. На немъ растутъ восемь весьма древнихъ масличныхъ деревъ. Они за нѣсколько лѣтъ предъ симъ куплены Латинами. Раздѣляется онъ на два уступа: на верхнемъ четыре маслины и на нижнемъ четыре. Передъ входомъ въ ограду на лѣво образованъ огороженный камнями родъ закоулка. Тутъ, по преданію, сохранившемуся у Грековъ, молился и страдалъ Спаситель. Преданіе основывается на словахъ: *яко верженіемъ камене*. Передъ этимъ мѣстомъ показываютъ въ скалѣ камни, на которыхъ уснули Апостолы. У Латиновъ мѣсто моленія и страданія Христа отстоитъ отъ сада гораздо далѣе и ниже, въ *пещерѣ* (въ Евангеліи не упоминается о пещерѣ). Но вѣроятно Геѳиманскій садъ расположенъ былъ на пространствѣ

болѣе обширномъ, нежели то, которое онъ нынѣ занимаетъ—и тогда все объясняется и согласуется, особенно же, если принять въ соображеніе другія наименованія, данныя Евангелистами этой мѣстности: *весь*, *въ гору элеонскую*. Очевидцы не опредѣлили съ математическою точностью мѣста событія; а мы по преданіямъ хотимъ все привести въ математическую извѣстность и все размѣрить по вершкамъ.

Мѣста *Голгоѳы и Гроба Спасителя* могутъ быть также спорными пунктами. Іоаннъ говоритъ: „Бѣ же на мѣстѣ, идѣже распятся, вертъ и въ вертѣ гробъ новъ, въ немже николиже никтоже положенъ бѣ“ (19,41). Это мѣсто, которое мнѣ всегда казалось невразумительнымъ, объясняется тѣмъ, что въ древности *гробы*, то есть мѣсто куда складывали трупы, были всегда изсѣчены въ скалѣ, а не отдѣльные гробы, какъ нынѣ; кажется и теперь здѣсь не употребляются гробы, а трупы просто зарываются въ землю. Во многомъ рождаетъ сомнѣніе малое разстояніе, отдѣляющее Голгоѳу отъ сада, въ которомъ погребенъ былъ Христосъ. Іоаннъ двукратно опредѣляетъ мѣстность *садами*: *садъ* Геѳсиманскій и *садъ* погребенія. Впрочемъ, далѣе слова Іоанна: „яко близъ бяше гробъ, положиста Іисуса“ (19,42) могутъ придать видъ вѣроятности, если не достовѣрности, мнѣнію, что мѣстности опредѣлены безошибочно. Но всѣ эти спорные пункты должны быть поглощены общею истиною мѣстности и не могутъ поколебать *вѣру* и удостовѣреніе и убѣжденіе, что разсказъ Евангелія не подлежитъ сомнѣнію, и въ главныхъ частяхъ своихъ сообразуется съ мѣстностью, которую видимъ и нынѣ. Саженью ли ближе или далѣе—

не въ томъ дѣло; а потому и желалъ бы я менѣе топографической опредѣленности. По мнѣ также жаль, что мѣсто казни и погребенія застроены храмомъ. Въ своемъ первобытномъ, въ природномъ видѣ были бы они величественнѣе и поразительнѣе; но и то правда, по замѣчанію одного латинскаго монаха, съ которымъ встрѣтился я за стѣнами Іерусалима, что если эти мѣста не защищены были бы зданіемъ, то отъ нихъ не осталось бы слѣда, отъ вліянія непогодъ и набожныхъ похищеній поклонниковъ, которые въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій совершенно очистили бы и сгладили ихъ съ лица земли.

Признаюсь откровенно и каюсь, никакія святыя чувства не волновали меня при въѣздѣ въ Іерусалимъ. Плоть побѣдила духъ. Кромѣ усталости отъ двѣнадцатичасовой ѣзды верхомъ по трудной дорогѣ и отъ зноя, я ничего не чувствовалъ, и ощущалъ одну потребность лечь и отдохнуть. Но шумъ и вой нѣсколькихъ тысячъ поклонниковъ, который раздавался подъ окнами, только-что умножали мое волненіе, кровь кипѣла, и нервы мои болѣе и болѣе приходили въ раздраженное и болѣзненное состояніе. Я боялся прилива крови въ голову и обыкновеннаго моего недуга. Но все обошлось благополучно. Я пошелъ въ храмъ. Намѣстникъ повелъ меня къ Гробу Господню и на Голгоѳу. Я помолился, возвратился въ свою келью, легъ на кровать и проспалъ часа два, или три. Тутъ проснулся, всталъ и пошелъ къ заутрени. Я не имѣю въ черепѣ своемъ *шишки распорядительности*. У меня только однѣ тѣ шишки, которыя валятся на бѣднаго Макара. А шишка распорядительности великое дѣло въ жизни, а особенно въ путешествіи. Я не умѣю

распоряжаться часами, моими чтеніями, прогулками etc. Все это не приводится мною въ стройный порядокъ, а мутно и блудно расточается. Основа поминутно рвется. Другой еще важный недостатокъ для путешественника: близорукость. Въ зрѣніи моемъ ничего ясно не отражается. Многое вижу я кое-какъ, а многое вѣрю на слово другому. Третій недостатокъ—отсутствіе топографическаго чувства. Не умѣю глазомъ хорошо обнять и понять какую бы ни было мѣстность. Планъ дома, планъ города для меня тарабарская грамота. Не знаю ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, что лежитъ къ сѣверу, что къ югу, а тѣмъ паче въ городѣ новомъ, съ которымъ я не успѣлъ еще ознакомиться. Вообще въ моей организаціи есть какая-то неполнота, недодѣлка, частью вѣроятно природныя, а частью и злопріобрѣтенныя худыми навыками и пагубною безпечностью [1]).

Въ долинѣ близь Силоама довольно растительности и зелени. Земля обработана. Съ Елеонской горы весь Іерусалимъ разстилается панорамою. На верху подъ зданіемъ показываютъ слѣдъ лѣвой стопы Спасителя, отпечатлѣвшейся на камнѣ скалы. Слѣдъ правой стопы будто хранится въ мечети Омарові. Норовъ говоритъ, что онъ

---

[1]) *Примѣчаніе автора:* Въ этихъ недостаткахъ заключается вѣроятно начало болѣзни, которой нынѣ страждду (Парижъ 21 Декабря 1851 г.). Неужели въ самомъ дѣлѣ Іерусалимъ привелъ меня въ Парижъ, то есть, по мнѣнію нѣкоторыхъ врачей, поѣздка на Востокъ и дѣятельная тамъ жизнь слишкомъ возбудила мои нервы, а по возвращеніи въ Россію онѣ упали и ослабли отъ однообразной и довольно лѣнивой жизни. Во всякомъ случаѣ больно, что не изъ Парижа попалъ я въ Іерусалимъ. Ужь лучше занемочь Парижемъ и исцѣлиться Іерусалимомъ, нежели дѣлать попытку на оборотъ.

ее видѣлъ. Мудрено, чтобы въ Евангелистахъ ничего не было сказано объ оставшемся слѣдѣ, или оставшихся слѣдахъ Спасителя. Вообще въ Евангеліи всегда глухо и неопредѣленно означаются мѣстности, а въ подробности и съ точностью исчисляются событія, дѣянія и слова. Въ боговдохновенныхъ книгахъ таковая разность не можетъ быть случайная и съ нею должно бы согласоваться, не заботясь по *человѣческимъ преданіямъ* и на угадъ обозначать достовѣрно, гдѣ именно происходило то или другое, когда очевидцы и боговдохновенные лѣтописцы не почли нужнымъ оставить намъ подробную карту съ яснымъ означеніемъ мѣста событій. Довольно, что главныя, общія мѣстности не подлежатъ сомнѣнію. Скептицизмъ оспаривающій и неумѣстная историческая критика, опровергающая святыя преданія—въ этомъ дѣлѣ наука безплодная. Но и дополнительныя свѣдѣнія, коими путешественники силятся будто подкрѣпить святость и истину Евангелія, не только излишни, но болѣе вредны, чѣмъ полезны. Зачѣмъ призывать суевѣріе тамъ, гдѣ вѣра можетъ согласоваться съ истиною убѣжденія? Зачѣмъ давать поводъ къ спорамъ, преніямъ, опроверженіямъ, прилѣпляясь къ частностямъ? Нѣтъ сомнѣнія, что Іерусалимъ нынѣшній стоитъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ стоялъ древній; что главныя окрестности его, упоминаемыя въ Евангеліи, тѣ же. Все это очевидно, слѣдовательно и главная сцена Евангельскихъ событій предъ нами. А о томъ, что въ Евангеліи не сказано, то, что въ Евангеліи не обозначено, того и знать не нужно. Опроверженія Робинсона и дополнительныя указанія Норова равно суетны и ничтожны. Послѣ физическихъ и люд-

скихъ переворотовъ, испытанныхъ Іерусалимомъ, отъ древняго города осталось развѣ нѣсколько камней, и тѣ, можетъ быть, съ прежняго мѣста перенесены на другое. Пока не очистятся наносныя груды камней, пепла и земли и не изроютъ почвы вокругъ Іерусалима для отысканія слѣдовъ древнихъ стѣнъ и зданій, ничего не только положительнаго, но и приблизительнаго объ объемѣ древняго города знать нельзя. Но входитъ ли эта реставрація въ виды Промысла Божія? Это другой вопросъ. Не даромъ Господь признавалъ Іудею своею землею, Іерусалимъ своимъ городомъ отдѣльно и преимущественно предъ другими краями земли, которые также дѣло рукъ Его. Нельзя сомнѣваться, что и нынѣ и до скончанія вѣковъ городъ этотъ будетъ особенно избраннымъ мѣстомъ для проявленія воли Его и судебъ. Какъ изъяснить иначе владычество невѣрныхъ въ Святыхъ мѣстахъ, равнодушіе къ тому христіанскихъ правительствъ, которыя спорятъ о Шлезвигѣ и Голштиніи, когда Гробъ Спасителя нашего въ рукахъ Турковъ? Видимо: того хочетъ Богъ—до времени, а предъ Нимъ „единъ день яко тысяща лѣтъ, и тысяща лѣтъ яко день единъ". Къ тому же, посѣтившему здѣшнія мѣста является истиною, хотя и грустною, но неоспоримою, что при нынѣшнемъ раздѣленіи Божіихъ церквей и при человѣческихъ страстяхъ и раздорахъ, которыя еще болѣе возмущаютъ и отравляютъ это раздѣленіе, владычество Турковъ здѣсь нужно и спасительно. Турки сохраняютъ здѣсь по крайней мѣрѣ видимый, внѣшній миръ церквей, которыя безъ нихъ были бы въ безпрерывной борьбѣ и разорили бы другъ друга. Здѣшній паша, въ случаѣ столкновеній, примиритель

церквей. Именемъ и силою Магомета сохраняется, если не любовь, то по крайней мѣрѣ согласіе и взаимная терпимость между чадами Христа. Освобожденіе Гроба Спасителя изъ рукъ невѣрныхъ—прекрасная, благочестивая мечта; но на мѣстѣ убѣждаешься, что она не только несбыточна, но и нежелательна — разумѣется также до поры и до времени, а эта пора тайна Бога. Сюда также относится, хотя и косвенно и частно, вопросъ о владычествѣ Турковъ въ Царьградѣ; и изгнанію ихъ изъ Царьграда пора еще не наступила. Случайное, насильственное преждевременное изгнаніе ихъ было бы событіе безплодное, и болѣе пагубное, нежели благотворное.

Одна только и есть довольно широкая и очень чистая улица въ Іерусалимѣ, а именно та, которая окружаетъ Армянскій монастырь у Сіонскихъ воротъ. Въ монастырѣ я еще не былъ, но сказываютъ, и онъ содержится въ большомъ порядкѣ и очень богатъ. По ту сторону улицы садъ и довольно большое мѣсто, обсаженное маслинами. Надобно отдать справедливость Армянамъ. И въ грязной Перѣ армянская церьковь и большой дворъ, окружающій ее и вымощенный каменною плитою, отличаются особенно и почти исключительно чистотою. Тутъ у меня много безъименныхъ друзей, для которыхъ я безъименное лице. Проходя мимо, я всегда раздавалъ нѣсколько піастровъ бѣднымъ, которые сидятъ подъ воротами. Одна старуха изъ нихъ всегда привѣтствуетъ меня ласковыми знаками и вѣроятно благодарнымъ словомъ.

9 Мая. Вчера были мы въ латинскомъ храмѣ у вечерни, праздновали Пятидесятницу (у Латиновъ празд-

нуется здѣсь она три дня) и возвращеніе папы въ Римъ. Латинскій монахъ читалъ проповѣдь на арабскомъ языкѣ предъ сорока или пятьюдесятью Арабами и Арабками и торжественно радовался съ ними, или вѣрнѣе за нихъ, вступленію папы въ свой городъ и въ свои права. Что о томъ думали Арабы, извѣстно одному Богу. Монастырь очень богатъ церковною утварью. Много золота и серебра и драгоцѣнныхъ камней, и много изящности въ отдѣлкѣ. Служба совершалась съ большимъ благочиніемъ, и Арабы, столь шумные и дикіе въ Православіи, здѣсь тихи и слушаютъ службу въ молчаніи и съ благоговѣніемъ,—по крайней мѣрѣ такъ сужу по видѣнному мною. Въ церкви показали намъ на двухъ молодыхъ Оксфордскихъ Англичанъ, кажется, изъ духовнаго званія, которые обратились нынѣшнею весною здѣсь въ Римское вѣроисповѣданіе. Православіе здѣсь мало расширяется. Греческое духовенство жалуется на происки Латиновъ и Протестантовъ; но Господи прости мое согрѣшеніе, кажется должно бы оно было болѣе на себя жаловаться. Здѣсь нужно было бы непремѣнно основать русскій монастырь съ приличнымъ службѣ нашей благолѣпіемъ, съ пѣвчими и пр. Всѣ иностранцы вопіютъ о происках нашихъ на Востокѣ, о властолюбіи, духѣ господства, а мы и мизинцемъ не упираемся на Востокѣ. Вся забота о маленькихъ, дипломатическихъ побѣдахъ, которыя остаются въ архивахъ и на бумагѣ, а на народонаселенія не изливаются. У всѣхъ державъ здѣсь есть церкви, училища, больницы, странопріимные дома, монастыри, разсѣявшіеся по всему Востоку; а у насъ ничего этого нѣтъ. А можетъ быть и то, что мы именно

сильны здѣсь отсутствіемъ своимъ и желаніемъ нѣкоторыхъ, чтобы мы явились. Преждевременнымъ явленіемъ, мы, можетъ быть, утратили бы силу, которою облекаютъ насъ упованія и православныя ожиданія. Но все не мѣшало бы и намъ имѣть въ надлежащихъ мѣрахъ, безъ притязанія на первенство, христіанскій голосъ на землѣ, отколѣ пришло къ намъ христіанское ученіе.

Я познакомился сегодня съ отцомъ Анѳиміемъ, бывшимъ секретаремъ и библіотекаремъ. Ему болѣе 70 лѣтъ. Онъ слабъ на глаза и на ноги. О немъ съ большимъ уваженіемъ упоминается въ восточной перепискѣ Мишо, но ошибочно названъ онъ тамъ секретаремъ du prince Ipsilanti (слѣдовательно Александра), а Анѳимій, до вступленія въ монашество, находился при дядѣ его, который, кажется казненъ былъ въ 1807 году. Онъ сказывалъ мнѣ, что едва-ли не обратилъ онъ Мишо въ Православіе. На слова Мишо, что папа долженъ быть непогрѣшителенъ потому, что онъ живое и непрерывное продолженіе Апостола Петра. „Пожалуй и такъ", отвѣчалъ ему Анѳимій, но и самъ Петръ подвергался три раза грѣху: во 1-хъ, когда онъ началъ *прерѣцати* Христу и Христосъ сказалъ ему: „иди за мною сатано; яко не мыслиши яже суть Божія, но человѣческая" (Матѳ. 16, 22—23). Слова, которыя кстати можно примѣнить мірскимъ и честолюбивымъ притязаніемъ папежства; во 2-хъ, когда онъ три раза отрекся отъ Іисуса, и въ 3-хъ, по несогласіямъ своимъ съ Апостоломъ Павломъ. По мнѣнію отца Анѳимія, слова Іисуса: „блаженъ еси, Симоне" и пр. (Матѳ. 16,17) не могутъ исключительно относиться къ одному Петру, а относятся ко всѣмъ Апостоламъ. Христосъ спрашива-

етъ учениковъ своихъ: „вы же кого мя глаголете быти?“ Петръ отвѣчаетъ одинъ, но за всѣхъ: „ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго“(Матѳ., 16,15—16), какъ и теперь, когда въ школѣ учитель задаетъ вопросъ ученикамъ, то одинъ отвѣчаетъ, а не всѣ отвѣчаютъ вдругъ. Христосъ не сказалъ: „ты же, Симонъ, за кого меня принимаешь?“ а сказалъ *вы*, обращаясь ко всѣмъ ученикамъ. И отвѣтъ долженъ быть признаваемъ отъ всѣхъ. Слова: „на семъ камени созижду церковь мою“ (Матѳ. 16,18), должны относиться не къ лицу Петра, а къ вѣрѣ, которой онъ съ другими Апостолами исповѣдуетъ, что посланный имъ есть Христосъ, Сынъ Бога живаго. Впрочемъ нельзя не жалѣть, что буквально разбираютъ смыслъ Евангелія. Тоже дѣлаютъ наши раскольники и заводятъ уродливыя ереси на основаніи того или другаго текста. Если держаться буквальнаго смысла, то Латине правы; но почему папа есть прямой наслѣдникъ Петра?

11-го Мая. Вчера ѣздилъ я въ монастырь св. Іоанна въ горнемъ градѣ Іудовѣ; прекрасный и великолѣпный монастырь. Стѣны, съ верху до низу, обвѣшаны малиновымъ штофомъ. Должно отдать справедливость, что Латине содержатъ монастыри и церкви въ большой чистотѣ и отличномъ порядкѣ. Это *домъ Божій* въ полномъ смыслѣ слова. Монахи входятъ въ него тихо и съ благоговѣніемъ и говорятъ въ полголоса; Францискане, которыхъ мнѣ случалось здѣсь видѣть, люди все болѣе или менѣе образованные, добродушные и привѣтливые, духомъ ясные и веселые, — но веселость ихъ не сбивается на пошлость и буфонство, а болѣе служитъ знаменіемъ здоровья и спокойствія души и тѣла. Въ монастырѣ св. Іоанна всего де-

сять монаховъ, большею частью Испанцевъ. Настоятель, кажется, патеръ Викентій—испанецъ. Нѣтъ ему 40 лѣтъ, а уже болѣе 20 лѣтъ монашествуетъ. Норовъ жалуется, что ему въ монастырѣ не оказали никакого привѣтствія; но зачѣмъ же онъ не хотѣлъ слѣдовать принятому обычаю и запастись рекомендательнымъ письмомъ отъ Іерусалимскаго монастыря? На мѣстѣ рожденія Крестителя мраморные барельефы съ изображеніями изъ жизни Іоанна, отличной работы. Нельзя безъ умиленія видѣть богатства и художественныя произведенія, расточенныя по здѣшнимъ пустыннымъ храмамъ, особенно латинскимъ. Тутъ является не суетность создателей храма и благолѣпія ихъ, но одна набожность, одно боголюбивое поклоненіе. Предъ кѣмъ красуются эти великолѣпные памятники? Предъ дикими Арабами, не постигающими цѣны являющихся имъ богатствъ. Большая часть изъ посвятившихъ богатства свои Божьему дому не видали этого дома и не имѣли суетнаго наслажденія любоваться дѣломъ и приношеніемъ рукъ своихъ. Пожалуй, реалисты и позитивисты скажутъ, что можно было на лучшую, болѣе богоугодную цѣль употребить эти милліоны и милліоны. Но едва ли? Впрочемъ и при Іисусѣ были уже позитивисты и экономисты, которые осуждали женщину, которая безъ пользы истратила на 300 денаріевъ мѵра и вылила его на главу Спасителя. Но что сказалъ имъ Іисусъ: оставьте ее; что вы ее смущаете? она сдѣлала что могла (то есть *какъ умѣла*). „Аминь глаголю вамъ: идѣже аще проповѣдано будетъ Евангеліе сіе во всемъ мірѣ, речется, и еже сотвори сія, въ память ея“ (Матѳ. 26, 13). Эти слова для меня въ высшей степени

торжественны и умилительны. Мало, что въ Евангеліи такъ проникаетъ душу мою насквозь убѣжденіемъ въ святой истинѣ его, какъ эти слова, такъ сказать вставочныя, простыя. Скорѣе умъ мой запнется въ принятіи за истинное событіе какого нибудь чуда; но эти слова не могли не быть сказаны, и случай, къ которому онѣ примѣняются, не могъ не быть таковымъ, какъ онъ разсказывается. Тутъ нѣтъ притчи, иносказанія. Это—истина во всей своей простотѣ и убѣдительной прелести.

За селеніемъ Іоанна водоемъ, по преданіямъ—источникъ, куда Дѣва Марія приходила за водою, когда гостила у Елисаветы. Подалѣе, развалины въ горѣ монастыря, построеннаго на мѣстѣ, гдѣ жилъ Захарія и жена его Елисавета и гдѣ она сказала пришедшей Маріи „благословенна Ты въ женахъ“ (Лук. 1, 42). Вокругъ селенія земля хорошо обработана. Хлѣбныя поля и огороды, снабжающіе Іерусалимъ овощами. Деревья, зелень, виноградники. Долина теребинтовыхъ деревьевъ. По приглашенію араба Степана (римско-католическаго исповѣданія), заходилъ къ нему въ домъ пить кофей. Комната довольно большая и опрятная. Двѣ дочери. Женщины носятъ здѣсь на головѣ родъ кички, составленной изъ монетъ, плотно и въ нѣсколько слоевъ связанныхъ вмѣстѣ; кичка обвѣшена золотыми монетами, которыя падаютъ на лобъ. Кичка дочери Степана нанизана 1500 піастрами. Есть и древнія, и вѣроятно рѣдкія медали. Нашъ намѣстникъ называетъ Степана восхитителемъ Русскихъ. Онъ хочетъ сказать похитителемъ, грабителемъ, потому что Степанъ занимается отдѣлкою образовъ, крестовъ, четокъ, которые за дорогую цѣну

продаетъ русскимъ поклонникамъ. На возвратномъ пути заѣзжалъ въ греческій монастырь Святаго Креста. Есть мѣсто, на которомъ, по преданію, срублено было древо, изъ коего сдѣланъ былъ крестъ для распятія. По преданіямъ, крестъ, на которомъ распятъ былъ Спаситель, состоялъ изъ троякаго дерева: кипариса, кедра и *певка* (певкъ — родъ кедра). Большое дерево *певкъ* ростетъ предъ окнами нашими въ саду патріаршемъ. Потому же преданію, Лотъ, согрѣшивъ съ дочерьми, покаялся въ томъ Аврааму, который, взявъ три головешки изъ печи, отдалъ ихъ ему и сказалъ: посади ихъ въ землю, поливай ихъ каждый день водою Іорданскою, и если они разростутся, то это будетъ знаменіемъ, что Господь отпустилъ тебѣ твой грѣхъ. Лотъ такъ и сдѣлалъ: каждый день ходилъ на Іорданъ за водою и три разнородныя головешки разрослись въ одно древо, которое послужило послѣ для сооруженія креста. Мишо говоритъ, зачѣмъ бы ходить было далеко, когда ближе кругомъ Іерусалима вездѣ росли маслины. Отецъ Прокопій говоритъ, что, по преданію, древо было давно срублено для постройки Соломонова храма и брошено было какъ неудобное и негодное для дѣла, а тутъ вспомнили о немъ и пригодилось оно. Монастырь Святаго Креста основанъ Грузинами, росписанъ довольно безобразно. Полъ изъ мозаики, говорятъ, обагренный кровію монаховъ, побіенныхъ Турками. У монастыря роща маслинъ. Вчера нашелъ я въ ней протестантскаго епископа съ семействомъ. Дорога въ горній градъ, разумѣется гористая, какъ впрочемъ и вездѣ въ здѣшней сторонѣ. И когда ѣхавши видишь предъ собою путь, загражденный огромными камнями

надъ пропастью, не понимаешь какъ тутъ проѣдешь. Бѣда, если захочешь умничать и быть умнѣе лошади своей. Не правь ею и отдайся ей въ управленіе. Она отыщетъ лазейку и проберется, вцѣпляясь въ камни какъ когтями, обходя камни, гдѣ не можно перешагнуть ихъ,—замѣтно, какъ она на иномъ мѣстѣ задумается какъ бы пройти повѣрнѣе и рѣшившись, уже идетъ себѣ впередъ. Какъ во многоглаголаніи нѣсть спасенія, такъ и во многовидѣніи. По мнѣ, лучше хорошенько осмотрѣть замѣчательнѣйшія мѣста, сблизиться съ ними, привыкнуть къ нимъ,—ибо въ привычкѣ есть любовь,—нежели на лету многое осмотрѣть и ни къ чему не имѣть времени прилѣпиться сердцемъ.

Въ монастырѣ Св. Креста только и есть игуменъ и одинъ монахъ. Вообще, съ монастырями здѣсь сбывается: много званыхъ, да мало избранныхъ. Много остается пустыхъ мѣстъ. Въ старину было въ нихъ тѣсно отъ множества иноковъ и богомольцевъ. Теперь только во время Пасхи бываетъ большое стеченіе народа, да и то вѣроятно можно считать сотнями, что прежде считалось тысячами. Латинское монашество составлено здѣсь почти изъ однихъ Италіянцевъ, Испанцевъ. Французовъ, кажется, вовсе нѣтъ; нѣсколько Нѣмцевъ. Въ православномъ монашествѣ все почти Греки съ примѣсью нѣсколькихъ Славянъ и Русскихъ. Въ наше время завести бы здѣсь какую нибудь обширную мануфактуру, она привлекла бы много переселенцевъ. Но обработываніе жатвы Господней не возбуждаетъ дѣятельности вѣка.

Я писалъ Павлушѣ съ описаніемъ нашей Елеонской прогулки.

12 Мая. Сегодня слушали мы на русскомъ языкѣ обѣдню на Голгоѳѣ за упокой нашихъ родныхъ и пріятелей и панихиду: родителей нашихъ Андрея и Евгеніи Вяземскихъ, Ѳеодора и Прасковіи Гагариныхъ; сестры моей Екатерины Щербатовой и мужа ея Алексѣя; Василія Гагарина; дѣтей нашихъ: Андрея, Дмитрія, Николая, Петра, Прасковіи, Надежды и Маріи; Николая Карамзина и сына его Николая; Бориса Полуектова, Василія Ладомирскаго, Ѳеодора Четвертинскаго, Ивана Маслова, Дениса Давыдова, Николая Кузнецова, Ѳеодора Толстаго, Михаила Орлова, Ивана Дмитріева, Юрія Нелединскаго, Евгенія Баратынскаго, Александра Пушкина, Александра Тургенева, Алексѣя Михайловича Пушкина, жены его Елены, Василія Львовича Пушкина, Матвѣя Сонцова, Великаго Князя Михаила, Дмитрія Васильевича Дашкова, Ѳеодора Нащокина, Іоанна Недешева—духовнаго отца жены моей, Петра Полетики, Александра Муханова, Діомида Муромцова—нашего управляющаго, Александра Тизенгаузена, умершаго въ Константинополѣ, Маріи Нессельроде, Емиліи Пушкиной, Александры Шаховской. Слушая обѣдню на такомъ священномъ мѣстѣ, все какъ-то не такъ молишься какъ бы молился, будь здѣсь стройное служеніе и стройное пѣніе нашей церкви. Внутреннія чувства по-неволѣ подвластны внѣшнимъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ изъ насъ грѣшныхъ, у которыхъ душа не совершенно поборола плоть. Вамъ недостаточно внутреннее и самобытное достоинство святыни; вамъ нужно еще видѣть ее облеченною въ изящность формы. Поразительны слова: „Помяни мя, Господи, во царствіи своемъ“. Слова всегда

поразительныя простотою своею и прямымъ обращеніемъ къ цѣли каждаго христіанина, когда внимаешь имъ близъ того самаго мѣста, гдѣ они были впервые сказаны кающимся разбойникомъ. Хотѣлось бы удостоиться и услышанія отвѣта: „Днесь со мною будеши въ раи“. Но и одна молитва эта, пока и безотвѣтная, имѣетъ особенную сладость и обдаетъ душу успокоительнымъ ожиданіемъ и надеждою. Меня всегда здѣсь особенно поражаетъ и символъ вѣры. Эта сокращенная біографія Спасителя на мѣстѣ, ознаменованномъ великими событіями жизни его, совершенными имъ для каждаго изъ насъ, не на время, какъ всѣ величайшія событія въ исторіи человѣчества, но на вѣчность.

Здѣсь духовенство и вообще всѣ христіане и мирные жители отзываются съ большою благодарностью о владычествѣ въ здѣшнемъ краѣ Ибрагима-паши. Онъ укротилъ разбойничество Бедуиновъ, разорилъ многія ихъ скопища и гнѣзда, какъ напримѣръ Іерихонъ, избавилъ монастыри отъ насильственной подати, собираемой съ нихъ Бедуинами, которые до него многочисленными толпами окружали монастыри и угрожали имъ разореніемъ, пока не приносили имъ требуемаго выкупа. Возстановленіе имъ тишины и порядка еще сохраняется въ здѣшней сторонѣ, и Турки не успѣли, своимъ худымъ управленіемъ и безпечностью, водворить прежній безпорядокъ и безначаліе; а европейская политика, вооруженною рукою, выгнала Ибрагима изъ мѣстъ, въ которыхъ подъ его сильною рукою отдыхали христіане и наслаждались миромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Ибрагимъ-паша, чтобы угодить европейскимъ державамъ, еще болѣе обезпечилъ

бы состояніе церквей и христіанъ и особенно Іерусалима. Но христолюбивое воинство проливало кровь свою, не за право церкви, а за ненарушимость и цѣлость правъ корана, пророка и преемника его. Вотъ какъ въ нашемъ вѣкѣ понимаютъ крестовые походы. Христіанскіе цари радовались и торжествовали, видя, что побѣда даровала имъ возможность снова и сильнѣе прикрѣпить Гробъ Господень къ рукамъ невѣрныхъ, когда онъ, казалось, освобождался изъ нихъ. И никому изъ царей не пришло ни въ голову, ни въ сердце воспользоваться этимъ междоусобіемъ и распаденіемъ царства Магомета, чтобы отторгнуть изъ среды его участокъ земли, обагренной кровію Спасителя. Подите, постарайтесь завладѣть мечетью Эюба или Омара, или только войти въ нее, и все населеніе возстанетъ, чтобы оградить святыню отъ нечистаго прикосновенія гяура. Развѣ христіанство слабѣе магометанства? И отвѣчать на это нечего; но видно не приспѣли, не созрѣли Судьбы Божіи, намъ нельзя объяснить это равнодушіе христіанскихъ державъ въ виду поруганной и плѣненной святыни. Мишо говоритъ, что когда во время Египетскаго похода предлагали Бонапарте посѣтить Іерусалимъ, онъ отвѣчалъ, что *Іерусалимъ не входитъ въ его операціонную линію.* Политика до-нынѣ тоже самое говоритъ. Теперь возится и колышется житейская, земная, человѣческая дипломатика. Придетъ время и высшей дипломатикѣ, время дипломатикѣ Промысла Божьяго. Это не мистицизмъ, но простая истина. Нельзя не признать, что въ исторіи человѣчества есть событія, предоставленныя произволу человѣковъ, и болѣе или менѣе зрѣлые плоды этого про-

извола, но все малонадежные и недолговѣчные; а являются изрѣдка другія событія, въ которыхъ, такъ сказать, отзывается рука Божія, которыя запечатлѣны прикосновеніемъ ея и остаются цѣлыми и невредимыми посреди человѣческихъ смутъ и общихъ переворотовъ. Первыя событія, какъ дѣло рукъ человѣческихъ, послѣ опредѣленнаго срока жизни, обращаются въ прахъ, въ землю, какъ и сами воспроизводители ихъ. Другія сохраняются мощами и нетлѣнная живоносная сила ихъ—побѣждаетъ время и смерть. Міръ, по слѣпотѣ своей, можетъ не признавать ихъ, но избранные, но вѣрующіе, но сыны Божіи видятъ на нихъ благодать Господню и поклоняются имъ въ ней и ей въ нихъ. Напримѣръ, возьмите возстановленіе Греціи. Оно плодъ вспышки воли человѣческой—и за то какъ оно незрѣло! Всѣ эти потоки крови, великодушно пролитой на почвѣ ея, не приготовили благословенной жатвы. Чѣмъ все это кончилось? неестественнымъ и уродливымъ наростомъ: худо утвержденнымъ престоломъ, на который европейская политика возвела слабаго германскаго принца, даже и не единовѣрнаго съ племенами, которыя дрались и гибли за святость своего вѣроисповѣданія. Что ни говори, а тутъ замѣтно отсутствіе руки Божіей. Все это шито на живую нитку, а хитонъ Христа цѣльный: *свыше истканъ весь.*

Іерусалимскій греческій патріархъ Кириллъ теперь въ Константинополѣ, гдѣ я его видѣлъ. Намѣстникъ Мелетій, митрополитъ Петры Аравійской. Обыкновенно называютъ его здѣсь *Св. Петръ.* Титулъ *святой* придается здѣсь всѣмъ архіереямъ. Отецъ Прокопій изъ Болгаръ, бывшій управляющій Іерусалимскими имѣніями въ Бес-

сарабіи, а теперь здѣшній церемоніймейстеръ или l'introducteur des pélerins. Отецъ Ѳеофанъ—камарашъ, то есть родъ ключаря ризницы и при патріархѣ. Отецъ Веніаминъ, изъ Херсонской губерніи, служитъ обѣдню на русскомъ языкѣ въ Екатерининскомъ женскомъ монастырѣ. Отецъ Іосифъ, изъ Сербовъ, при Гробѣ Господнемъ, также служитъ на русскомъ языкѣ. Анфимій секретарь патріархіи. О немъ говоритъ Мишо и русскіе путешественники. Ученый Діонисій, Виѳлеемскій митрополитъ, изъ Болгаръ, говоритъ по-русски. У него гостилъ при насъ архимандритъ Синайскій. Іеромонахъ Аввакумъ старшій въ монастырѣ Св. Иліи. Монахъ Даніилъ старшій въ монастырѣ Св. Креста. Тамъ живетъ на покоѣ архимандритъ Іоиль, ученый. Въ монастырѣ Св. Екатерины Серафима, родня Орловой по Ломоносову, Анна Ивановна, изъ Сербіи.

12. Вечеръ у англійскаго консула Finn, чтобы праздновать день рожденія королевы англійской. Былъ же случай въ Іерусалимѣ обвязать шею бѣлымъ платкомъ, впрочемъ я надѣвалъ уже бѣлый платокъ въ день причащенія, прилѣпить звѣзду и надѣть на руки желтыя глянцоватыя перчатки. Когда пришелъ я въ девятомъ часу, консула не было дома. Меня встрѣтила молодая жена, довольно свободно изъясняющаяся по-французски. Консулъ долженъ былъ послѣ обѣда отправиться въ монастырь Св. Иліи, на выручку соотечественниковъ, которыхъ Арабы не выпускали и осаждали въ монастырѣ. Нѣсколько Англичанъ на возвратномъ пути изъ Виѳлеема остановились у Св. Иліи. У одного изъ нихъ, когда онъ сходилъ. или падалъ съ лошади, пистолетъ нечаянно

выстрѣлилъ и легко ранилъ дробинками въ ногу молодаго Араба. Поднялся шумъ и гвалтъ. Настоятель монастыря ввелъ Англичанъ въ церковь и заперъ ее, а между тѣмъ далъ знать о случившемся въ Іерусалимъ. Отправились нѣсколько людей изъ Патріархіи, нѣсколько конныхъ солдатъ изъ турецкаго гарнизона и консулъ со своимъ докторомъ. Изъ сосѣдней арабской деревни сбѣжались и съѣхались верхомъ вооруженные, какъ и всегда, Бедуины. Они, кажется, требовали, чтобы выдали имъ Англичанъ. Былъ даже одинъ выстрѣлъ въ монастырь и кидали каменья. Наконецъ Іерусалимская помощь подоспѣла, пошли переговоры и консула впустили въ монастырь, но выпустить уже не хотѣли. Часовъ въ девять вечера возвратился консулъ домой и привезъ съ собою въ городъ своихъ освобожденныхъ Англичанъ. Онъ сказывалъ, что никогда не видалъ такого остервененія и дикаго бѣшенства. Арабы сняли съ себя платье, угрожали, кричали, ревѣли. На вечерѣ были два Оксфордскіе Англичанина, обратившіеся въ римское исповѣданіе. Одинъ зналъ Титова въ Англіи. Хозяйка пѣла по-англійски, то есть на англійскомъ языкѣ и англійскимъ голосомъ. Подъ конецъ все общество затянуло: God save и мы разошлись по домамъ. Въ первый разъ увидѣлъ я тогда Іерусалимскія улицы ночью и при лунномъ сіяніи. Здѣсь всѣ болѣе или менѣе тюремники и ведутъ тюремную жизнь. Городъ отпирается при восхожденіи солнца и запирается при захожденіи, а здѣсь оно заходитъ теперь въ 7-мъ часу. Пріятно было бы въ мѣсячную ночь пойти въ Геѳсиманію, взойти на Елеонскую гору; но дѣло невозможное, или нужно завести цѣлую

негоціацію съ турецкими начальствами, но и тому примѣра не было. Храмы также почти всегда заперты. Литургія совершается на Гробѣ Господнемъ въ полночь, а въ другихъ придѣлахъ часу въ шестомъ утра. Нашему брату, не привыкшему просыпаться съ пѣтухами, это не очень пріятно. Идешь въ храмъ и на молитву не въ духѣ, или уже хотѣлось бы спать, или еще спать бы хотѣлось. Разумѣется, съ недремлющею и бдительною вѣрою этого не бываетъ. Намѣстникъ патріарха сказывалъ мнѣ, что консулъ въ день рожденія королевы, когда духовенство пришло къ нему съ поздравленіемъ, говорилъ имъ, что есть извѣстіе, что Императоръ Николай отрекся отъ престола и наслѣдовалъ ему Константинъ Николаевичъ. Любопытно было бы знать,—по своей глупости совралъ консулъ, или по *долгу службы*, то есть по наставленію Пальмерстона мутить умы, а въ особенности православные. Я видѣлъ консула и наканунѣ и въ тотъ день, и на другой онъ былъ у жены моей, но ничего о томъ не сказывалъ.

13. Ѣздилъ по дорогѣ въ Газу на источникъ Св. Филиппа, гдѣ Филиппъ окрестилъ евнуха царицы эѳіопской, *ѣдущаго на колесницѣ*, вѣроятно въ тахтараванѣ; ибо колесамъ по этой дорогѣ проѣзда нѣтъ, или дороги здѣшнія очень испортились со временъ Апостольскихъ, что впрочемъ очень сбыточно, потому что въ Турціи, гдѣ нѣтъ теперь проѣзда, отыскиваются здѣсь и тамъ остатки каменной мостовой. Здѣсь вся почва обложена, или огромными камнями и кое-гдѣ большими плитами, вросшими въ землю, или наброшенными, подвижными каменьями, какъ будто только сейчасъ взорвало

каменныя горы и засыпали онц обломками своими все лицо земли. Близъ источника ростетъ и старѣетъ большое и прекрасное орѣховое дерево, и тутъ отдыхали подъ тѣнью его и около меня собрались и усѣлись Бедуины. Знаешь, что если вздумалось бы одному изъ нихъ приказать раздѣться и выдать имъ платье и все, что въ платьѣ находится, то надобно было бы безпрекословно повиноваться имъ. Но Бедуины на меня никакого страха не наводятъ. Разумѣется, есть между ними и разбойники, какъ и не между Бедуинами, но вообще я нахожу въ нихъ какое-то добродушіе и веселость. Къ тому же, сигары мои и моя зрительная трубка, которая ихъ очень удивляетъ, заводятъ тотчасъ между нами дружелюбивыя сношенія. Дамъ имъ сигарку выкурить, дамъ имъ посмотрѣть въ трубку, и прикладывая руку къ сердцу изъявляютъ они мнѣ свое удовольствіе и свою благодарность. При встрѣчахъ другъ съ другомъ, жмутъ они себѣ руки по-англійски, или теперь вообще по-нашему. По дорогѣ, немного въ сторону, заѣзжали мы къ источнику Св. Дѣвы, гдѣ, по преданіямъ, отдыхала она съ мужемъ и младенцемъ по пути въ Египетъ. Я готовъ вѣрить всѣмъ преданіямъ и охотно принимаю ихъ, когда они не сливаются съ чудесами. Чудесамъ вѣрю, но только тѣмъ, которыя прописаны въ Евангеліи; а *приписнымъ* чудесамъ не чувствую въ себѣ ни желанія, ни способности вѣрить. Мы видимъ и изъ Евангелія, что самъ Христосъ не былъ расточителемъ на чудеса. По дорогѣ къ источнику—деревня *Малька* на горѣ. Въ долинѣ Арабы сажаютъ розы, которыя снабжаютъ розовою водою монастырь Св. Гроба. Если обоняніе имѣетъ особенное

вліяніе на память и запахи возбуждаютъ въ ней воспоминанія, имѣющія соотвѣтствіе съ мѣстностями и временемъ, гдѣ и когда навѣвали на насъ эти запахи, то *розовая вода* будетъ отнынѣ живымъ источникомъ для насъ Іерусалимскихъ воспоминаній и поклоненій. На Св. Гробѣ и на Голгоѳѣ всегда благоухаетъ розами, и гдѣ монахи кромѣ того вспрыскиваютъ васъ розовою водою. Впрочемъ, вообще на Востокѣ розовая вода въ большомъ употребленіи по церквамъ. Останавливался въ монастырѣ Св. Креста. По дорогѣ отъ него въ Іерусалимъ, на-право, вдругъ открывается Мертвое море и за нимъ бѣлѣются Аравійскія горы, облитыя тонкимъ золотымъ сіяніемъ. Вообще здѣсь нельзя сказать „голубой воздухъ“, а золотой; особенно предъ захожденіемъ солнца воздухъ озлащается. Солнце не садится, какъ въ другихъ мѣстахъ, въ облака багряныя и разноцвѣтныя: оно на чистомъ небѣ потухаетъ; такъ же и восходитъ оно. Эта золотистость воздуха вечеромъ, то есть съ шестаго часа, особенно замѣчательна въ Гигонской долинѣ вблизи Яффскихъ воротъ. Маслины темнѣютъ въ золотомъ сіяніи воздуха, и долина вообще пересѣкается длинными тѣнями и золотыми полосами. Весною эта долина отличается, сказываютъ, особенною свѣжестью и зеленью и служитъ сборнымъ мѣстомъ гулянья для Іерусалимскихъ жителей. И теперь тутъ болѣе собирается гуляющихъ и отдыхающихъ, и по праздникамъ Еврейки занимаютъ всѣ ступени крыльца, которое ведетъ къ кофейной, находящейся у Яффскихъ воротъ. Когда я въ городъ возвращаюсь по этой дорогѣ, меня привѣтствуетъ всегда нѣмой радостными тѣлодвиженіями и криками—вѣроятно по чутью, что я былъ таможен-

ный, потому что и онъ, кажется, родъ досмотрщика при учрежденной тутъ таможенной заставѣ. У меня есть особенное сочувствіе съ дѣтьми, юродивыми, малоумными. На пароходѣ отъ Константинополя до Бейрута завелась у меня тѣсная дружба съ турчатами и юродивымъ, что-то похожимъ на дервиша. Это для меня утѣшительно какъ доказательство, что въ природѣ моей сохранилась какая-то первобытная простота, которую не совсѣмъ заглушили свѣтъ и житейскія страсти и увлеченія. У источника Богоматери нашли мы Библейскую картину: нѣсколько молодыхъ поселянокъ въ синихъ своихъ сарафанахъ мыли бѣлье свое. Можетъ быть и Пресвятая Дѣва тоже мыла тутъ бѣлье свое и пеленки Божественнаго Младенца.

Нельзя сказать, чтобы почва окрестностей Іерусалимскихъ, при всей угрюмости и дикости своей, была безплодна. Она даетъ же разнородный хлѣбъ, овощи, артишоки, померанцы, маслину, абрикосовыя деревья, смоковницу, гранаты, орѣховыя деревья и пр. Нужно только болѣе обработки. Самая каменная настилка почвы придаетъ ей свѣжесть и сырость, которыя замѣняютъ ей дожди, которыхъ лѣтомъ здѣсь не бываетъ.

14. Нынѣ полученное извѣстіе изъ Яффы, что англійскій пароходъ прибудетъ туда 8-го будущаго мѣсяца н. с., обдало меня унынiемъ. Срокъ приближающейся разлуки моей съ Іерусалимомъ начинаетъ давить меня. Я теперь только что *вхожу* въ Іерусалимъ, вхожу въ прелесть его, начинаю съ нимъ свыкаться. Здѣсь нужно было бы непремѣнно прожить годъ, чтобы ознакомиться съ Св. Мѣстами. И почему бы не прожить? Стоило бы только рѣшиться отложить житейскія попе-

ченія, житейскія требованія. Впрочемъ не имѣю никакого расположенія къ монашеской жизни. Напротивъ, здѣшняя греческая монашеская жизнь кажется мнѣ несносною и вовсе ничего не говоритъ душѣ. Въ чувствѣ моемъ привлеченія къ Іерусалиму религіозность, или по крайней мѣрѣ практическая набожность, не имѣетъ или очень мало имѣетъ назидательной и содѣйствующей силы.

Лѣтъ двадцать тому и болѣе состояніе церквей было здѣсь таково, что въ Армянскомъ монастырѣ отвалилось нѣсколько камней, а можетъ быть еще и Турки съ умысломъ ихъ отвалили. По маловажности, Армяне, безъ предварительнаго турецкаго разрѣшенія, вставили опять эти три или четыре камня и послѣ многихъ преній должны были взнести турецкому начальству 500,000 піастровъ за то, что осмѣлились безъ позволенія *перестроить храмъ*. Теперь этой насильственной и разбойнической администраціи уже нѣтъ.

Въ римскомъ монастырѣ есть типографія, у Армянъ и у Евреевъ также. Нѣтъ только греческой. Греки болѣе всѣхъ отуречились.

Гробницы Царей, или *Судей*, или Богъ вѣсть кого. У Шатобріана онѣ хорошо и вѣрно описаны. Вообще путевыя записки его и до-нынѣ, духовными лицами и мірскими, признаются едва-ли не лучшимъ руководителемъ въ Іерусалимѣ. И тутъ Французъ, какъ послѣ *я*, часто выглядываетъ у него изъ-подъ плаща паломника, но себябожаніе, ужь не самолюбіе, и самохвальство, здѣсь умѣреннѣе, нежели въ послѣдовавшихъ произведеніяхъ.

16. Писалъ Павлушѣ чрезъ Титова съ письмомъ

къ Кобеко, а въ немъ письма къ Тютчевой и къ Валуеву. Жена писала леди Каннингъ. Все отдано митрополиту. Вчера ходилъ по городу, въ домъ Пилата. Видъ на Омарову мечеть. Домъ Симона фарисея. Провѣрить съ Евангеліемъ. Кажется ошибочно признается за домъ Симона и Шатобріаномъ также. Ѣздилъ на источникъ Силоамскій и запасся водою. Въ отдаленіи, огромныя камни на горахъ представляются глазамъ безобразными зданіями. Селенія представляются грудами камней. Люди, какъ дикіе звѣри, гнѣздятся на нихъ и подъ ними. И въ самомъ Іерусалимѣ, глядя на дома, не понимаешь, гдѣ тутъ жилые покои. Почти вовсе нѣтъ оконъ на улицу. Двери съ улицы узкія и низкія.

Середа 17. Какъ не далась мнѣ Іоаннова пустыня, въ которую собирался я вчера, такъ не дались сегодня и Соломоновы пруды. Вся эта поѣздка зачата была не въ добрый часъ и подъ худыми примѣтами. Я всталъ вчера въ пять часовъ утра, что для меня есть уже худая примѣта и не добрый часъ,—а въ шесть разсердился и прогналъ отъ себя лошадей и нанимавшихъ ихъ, потому что казалось мнѣ, что съ меня лишнія деньги требовали. Наконецъ дѣло кое-какъ уладилось и въ четверть по полудни отправились мы въ Виѳлеемъ. Дорога къ нему, судя по здѣшнему краю, очень хороша. Поднявшись изъ Гигонской долины, выѣзжаешь на ровную дорогу, по которой можно бы ѣхать и въ коляскѣ. На правой рукѣ развалины монастыря Св. Модеста. По обѣимъ сторонамъ дороги обработанныя поля и зеленѣютъ нивы. Дикая близъ-Іерусалимская природа здѣсь смягчается. Одна эта окрестность могла служить сценою

для пастушеской библейской поэмы Руѳь. Проѣхавъ монастырь Св. Иліи, спускаешься съ горы по крутизнѣ извивающейся дороги. Тутъ поля, долины и возвышенія обсажены маслинами. Въ Виѳлеемской долинѣ, облегающей городъ, можно сказать, что зеленѣетъ даже роща маслинъ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ онѣ растутъ довольно одиноко—и на Элеонской горѣ можно счесть ихъ, такъ ихъ не много. Онѣ тутъ рѣдѣютъ какъ клочки волосъ на лысой головѣ старца. Мы ужинали за смиренною трапезою митрополита Діонисія; но при всей смиренности своей, истребили нѣсколько Виѳлеемскихъ голубей, отличающихся особеннымъ вкусомъ, а жарятъ ихъ—это замѣчаніе для Вьельгорскаго—безъ масла на вертелѣ, что придаетъ имъ, по словамъ митрополита, или, лучше сказать, что не лишаетъ ихъ собственной сочности и самороднаго вкуса. Чтобы дополнить мое гастрономическое свѣденіе, скажу, что у митрополита поваръ—старая Виѳлеемская баба; а была ли она всегда стара, о томъ знаетъ Богъ. Здѣсь вообще въ греческихъ монастыряхъ встрѣчаешь женщинъ, правда пожилыхъ. Охотно вѣрю, что онѣ тутъ не для грѣха, а для прислуги—обмыть, обшить, состряпать. Встрѣча этихъ женщинъ близъ архіерейскихъ келлій, сказываютъ, очень смущала Войцеховича. Вообще, большой строгости здѣсь не видать. Монахи, не въ постные дни, ѣдятъ мясо и пьютъ вино. Съ террасы монастыря любовался я звѣзднымъ небомъ и Виѳлеемскою луною. Сегодня въ пять часовъ утра слушали мы трехъязычную литургію—по-арабски, гречески и по-русски. На ектеніи поминали насъ и нашихъ живыхъ и усопшихъ. Вчера вечеромъ ходилъ я

въ пещеру, гдѣ, по преданіямъ, скрывалась Богоматерь съ Младенцемъ до бѣгства въ Египетъ. Она принадлежитъ Латинамъ. Я тутъ засталъ монаха и нѣсколько арабскихъ дѣтей, которые пѣли акаѳистъ Богородицѣ. Умилительно слышать эти христіанскія пѣсни, молитвенно возносимыя поселянами на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ такъ смиренно и также въ тишинѣ и сельской простотѣ, невидимо отъ міра, возникало христіанство. Утромъ ѣздилъ я на мѣсто явленія ангеловъ пастухамъ. Тутъ нѣкогда была церковь, построенная Еленою. Теперь осталась одна подземная церковь православная. Арабскій священникъ прочелъ мнѣ въ ней главу Евангелія. Послѣ заѣзжалъ я къ нему въ домъ. Часу въ третьемъ по полудни отправились мы на Соломоновы пруды. Тутъ начались бѣды наши. Тахтреванъ ударился объ стѣну, а жена головою объ тахтреванъ. Верблюды заграждали намъ дорогу. Абдула бросился разгонять ихъ, и одинъ верблюдъ попалъ въ яму, или въ пещеру, такъ что все туловище его лежало подъ камнемъ и только заднія ноги оставались на поверхности земли. Далѣе, отецъ Прокопій упалъ съ лошадью, а еще подалѣе, упала съ лошади Фанни и ужасно стонала и кричала, жалуясь, что переломила или вывихнула себѣ руку. Мы не знали что дѣлать. Долго провозились съ нею и наконецъ рѣшились возвратиться ближайшею дорогою въ монастырь Св. Иліи въ Іерусалимъ. Между тѣмъ лошадь Фанни убѣжала. Семидесятилѣтній митрополитъ, который провожалъ насъ, поскакалъ ловить ее на лихомъ своемъ арабскомъ жеребцѣ. Онъ изъ Болгаръ, и видна въ немъ славянская отвага и славянская мягкосердечность, хотя,

сказываютъ, онъ очень вспыльчивъ, что также есть славянское свойство. Въ монастырѣ Св. Иліи благословилъ онъ меня весьма стариннымъ образомъ Петра и Павла. Наконецъ тутъ разставшись съ добрымъ старцемъ, ибо тутъ оканчивается его митрополія, возвратились мы въ 7-мъ часу вечера въ Іерусалимъ. Латинскій монахъ врачъ, увѣрялъ насъ, что, по счастью, рука Фанни и не переломлена, и не вывихнута. Приставили ей 70 піявокъ. При возвращеніи нашемъ въ Іерусалимъ стѣны его, подъ Гигонскою долиною, чудно озлащались сіяніемъ заходящаго солнца. Нигдѣ и никогда я не видалъ такого золотаго освѣщенія. Съ дороги видны были, на отдаленномъ небосклонѣ, Аравійскія горы, которыя, подобно свинцовымъ облакамъ, бѣлѣли и синѣли сливаясь съ небесами. Гробница Рахили; я объѣхалъ кругомъ, но не входилъ въ нее, потому что она была заперта и никого при ней не было. Но, сказываютъ, что и смотрѣть нечего.

Четвергъ, 18 Мая. Слушали въ 9 часовъ утра русскую обѣдню въ монастырѣ Св. Екатерины. Все что-то не такъ молишься какъ бы хотѣлось. Въ Казанскомъ соборѣ лучше и теплѣе молилось. Неужели и на молитву дѣйствуетъ привычка? Или мои молитвы слишкомъ маломощны для святости здѣшнихъ мѣстъ. Начали говѣть. Вообще народъ имѣетъ здѣсь гордую и стройную осанку, а въ женщинахъ есть и что-то ловкое. Въ Виѳлеемѣ черты женскихъ лицъ правильны и благородны. Въ женской походкѣ есть особенная твердость и легкость. Съ мѣхами на головѣ или ношею легко и скоро всходятъ онѣ на крутыя горы, картинно и живописно. На всѣхъ синяя верхняя одежда, родъ русской *поневы*, а иногда

еще покрываются онѣ краснымъ шерстянымъ плащемъ; серебряныя ожерелья изъ монетъ на лбу, на шеѣ и на рукахъ. Голова обыкновенно повязана бѣлымъ платкомъ, также довольно сходно съ головною повязкою нашихъ бабъ. На верху головы, подушечка для ношенія мѣховъ съ водою, корзина etc. Цѣна піявокъ здѣсь піастръ за штуку. Есть здѣсь англійское училище миссіонерское, преимущественно для обращенныхъ дѣтей еврейскихъ. Содержится чисто. Есть книги, географическія карты по стѣнамъ. Есть и греческія училища для арабскихъ православныхъ дѣтей. Не отличаются чистотою. Но все-таки благо и добро. Есть и англійская больница также для Евреевъ. Греки и Латины вообще жалуются на протестантскую пропаганду. Да что же дѣлать, когда она богата и дѣятельна. Кормитъ, учитъ, лечитъ, колонизируетъ, даетъ работу—и къ тому же, вѣроятно, не взыскательна и не отяготительна въ обязанностяхъ, которыя возлагаетъ на обращающихся. Одно тягостное мѣсто для посѣщающихъ Іерусалимъ есть разстояніе 7 или 9 часовое отъ Рамлэ до Св. Града. Да и то легко сдѣлать бы удобнымъ, если монастырямъ, латинскому и греческому, выстроить на дорогѣ два постоялыхъ двора для отдыха или ночлега, если кому захочется провести ночь. Не желаю, чтобы устроена была тутъ желѣзная дорога и можно было прокатиться въ Іерусалимъ легко и свободно, какъ въ Павловскій воксалъ; но все не худо облегчить трудъ человѣческой немощи; а то въѣзжая въ Іерусалимъ, судя по крайней мѣрѣ по себѣ, чувствуешь одну усталость послѣ трудной дороги. Не каждому дана сила и духовная бодрость Годфрида, который послѣ

труднаго похода, еще труднѣйшаго боя и приступа, по взятіи города, тотчасъ бросился поклониться Гробу Господню.

Пятница, 19 Мая. Сегодня въ полночь пошли мы слушать литургію на Гробѣ Господнемъ, но обѣдня началась только въ 3-мъ часу. Во всѣхъ концахъ храма раздавались молитвенные голоса на армянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ. Это смѣшеніе пѣсней и языковъ, сливающихся въ одно чувство и въ одно поклоненіе единому общему Отцу и Богу, трогательно въ отвлеченномъ значеніи своемъ, но на дѣлѣ оно нѣсколько непріятно, тѣмъ болѣе, что пѣніе вообще нестройно. На большомъ выносѣ поминали насъ и нашихъ живыхъ и усопшихъ. Во время чтенія часовъ монахи поминаютъ про себя по книгамъ имена записанныхъ поклонниковъ. Вчера всходилъ я на арку—на крестномъ пути, откуда, по преданію, показывали Іисуса народу: *Се человѣкъ!* Теперь тамъ молельня дервишей. Вышелъ я въ Сіонскія ворота, сошелъ въ Геѳиманскую долину, возвратился въ городъ чрезъ Геѳиманскія ворота. Остановился у Овчей купели.

Большой недостатокъ въ Іерусалимѣ, въ окрестностяхъ его и вообще на Востокѣ — есть отсутствіе луговъ. Нѣтъ зеленой, шелковой муравы, на которой въ сѣверныхъ краяхъ такъ отрадно отдыхаютъ глаза и тѣло. Здѣсь токъ садовъ обложенъ каменною плитою, а за городомъ деревья и цвѣты ростутъ на песчаномъ и каменистомъ кряжѣ. Все это придаетъ природѣ видъ искуственный, рукодѣльный. А между тѣмъ, чтó есть изъ растительности пышно и богато: цвѣты благоухаютъ не-

обыкновеннымъ ароматомъ, лимонныя вѣтви клонятся къ землѣ подъ обиліемъ и тяжестію плодовъ.

Когда приближаешься уже къ концу земнаго своего поприща и имѣешь въ виду неминуемое путешествіе въ страну отцевъ, всякое путешествіе, если предпринимаешь его не съ какою нибудь специальною цѣлію, въ пользу науки, есть одно удовлетвореніе суетной прихоти, безплоднаго любопытства. Одно только путешествіе въ Святыя Мѣста можетъ служить исключеніемъ изъ этого правила. Іерусалимъ—какъ-бы станція на пути къ великому ночлегу. Это приготовительный обрядъ къ торжественному переселенію. Тутъ запасаешься, не пустыми свѣдѣніями, которыя ни на что не пригодятся намъ за гробомъ, но укрѣпляешь, растворяешь душу напутственными впечатлѣніями и чувствами, которыя могутъ, если Богъ благословитъ, пригодиться и тамъ, и во всякомъ случаѣ нѣсколько очистить насъ здѣсь.

Въ молодости моей, когда я былъ независимѣе и свободнѣе, путешествіе какъ-то не входило въ число моихъ преднамѣреній и ожиданій. Я слишкомъ безпечно былъ поглощаемъ суетами настоящаго и окружающаго меня. Скорбь вызвала меня на большую дорогу и съ той поры смерть запечатлѣла каждое мое путешествіе. Въ первый разъ собрался я за границу по предложенію Карамзина ѣхать съ нимъ, но кончина его (1826 г.) разсѣяла это предположеніе до приведенія его въ дѣйствіе. Послѣ— болѣзнь Пашеньки (1835 г.) заставила насъ ѣхать за границу. Ея смерть положила черную печать свою на это первое путешествіе. Второе путешествіе мое окончательно ознаменовалось смертью Наденьки (1840 г.). Смерть

Машеньки (1849 г.) была точкою исхода моего третьяго путешествія. Такимъ образомъ, четыре могилы служатъ памятникомъ первыхъ несбывшихся сборовъ и трехъ совершившихся путешествій моихъ. Не взмой меня волна несчастія, я вѣроятно никогда не тронулся бы съ мѣста. Вѣроятно путешествія мои, всегда отмѣченныя смертью, кончатся путешествіемъ къ Святому Гробу, который примиряетъ со всѣми другими гробами. Такъ быть и слѣдовало *).

Суббота, 20 Мая. Сегодня, въ шестомъ часу утра, слушали литургію на Голгоѳѣ и причащались святыхъ таинствъ. Служилъ греческій архіепископъ Неапольскій (т. е. Наплузскій, Сихемскій). Послѣ была большая панихида, на коей поминали и нашихъ. По окончаніи панихиды, мы пошли къ Святому Гробу, гдѣ отецъ Веніаминъ отслужилъ на русскомъ языкѣ молебствіе за здравіе П. А. Кологривова.

Вчера, 19-го, ходилъ я по городу и за городомъ съ братомъ жены епископа. Видѣли мы, какъ у наружной стѣны ограды храма Соломона Евреи и Еврейки многіе приложивъ голову къ стѣнѣ—молились по книгамъ, стенали и плакали (женщины). Они собираются тутъ каждую пятницу и платятъ что-то за это турецкому начальству. Въ Іерусалимѣ отъ семи до восьми тысячъ Евреевъ мужескаго и женскаго пола. Протестантская

*) *Примѣчаніе автора.* Но увы! По грѣхамъ моимъ не такъ сбылось. Опять пустился я въ смертный, или по крайней мѣрѣ, болѣзненный путь, и нынѣ страждущее лице—я. Чѣмъ путь этотъ кончится? Я не имѣю никакой надежды на выздоровленіе, по крайней мѣрѣ духовное, а безъ него тѣлесное только продолженіе казни. Бѣдная жена! Богъ не даетъ ей отдохнуть отъ скорби. Парижъ. 21 Декабря 1851 г.

миссія обратила изъ нихъ, съ 1840 года, въ христіанство человѣкъ сто. Здѣсь особенно Латины увѣряютъ, что эти обращенія дѣлаются, или покупаются за деньги, выдаваемыя миссіею; но протестанты не сознаются въ томъ и говорятъ, что только въ рѣдкихъ случаяхъ даются пособія тѣмъ изъ нихъ, которые сами не могутъ зарабатывать себѣ пропитаніе. Въ городѣ сохранилось нѣсколько арабскихъ фонтановъ, красиво отдѣланныхъ рѣзьбою на камнѣ. Воды въ нихъ уже нѣтъ. Эта любовь и поклоненіе водѣ восточныхъ жителей очень замѣчательны. Въ другихъ земляхъ колодези устраиваются только съ тѣмъ, чтобы не быть безъ воды; а о украшеніяхъ ихъ не помышляютъ, за исключеніемъ большихъ городовъ, и то для украшенія городовъ, а не въ честь самой воды. Здѣсь видно, что честятъ самую воду—этотъ Божій даръ, благодатный особенно въ землѣ, нуждающейся въ рѣкахъ, гдѣ дожди рѣдки и солнечный зной высушаетъ воду. Словно думаютъ они, что вода, изъ благодарности за красиво и богато устроенное ей помѣщеніе, лучше сохранится и не откажетъ въ пособіи заботящимся о ней. Здѣшніе водопроводы въ землѣ, гдѣ наука и трудъ въ совершенномъ небреженіи и забвеніи, свидѣтельствуютъ объ особенномъ вниманіи къ удовлетворенію необходимой потребности. Въ Бѣлградѣ, близъ Константинополя, водопроводы и водохранилища были вездѣ замѣчательны. Изъ Соломоновыхъ прудовъ проведена вода въ Іерусалимъ, и подъ Омаровой мечетью, сказываютъ, есть обширное водохранилище. На дворѣ судейскаго дома *кади* есть также бассейнъ съ Соломоновскою водою. Всѣ сокровища Соломона погибли, а

съ ними и всѣ богатства и почти всѣ памятники древняго, и нѣсколько разъ изъ развалинъ возникавшаго, Іерусалима; но вода Соломона утоляетъ еще жажду позднѣйшихъ потомковъ его. Когда изсякшій Кедронъ зимою наливается водою, Арабы изъ города и со всѣхъ сторонъ бѣгутъ къ нему и просиживаютъ часы на берегахъ его въ тихомъ и радостномъ созерцаніи. Изъ стѣны, окружающей Омарову мечеть, высовывается колонна, лежащая поперекъ противъ Элеонской горы. По мусульманскимъ преданіямъ, въ день Страшнаго суда, на ней будетъ сидѣть Магометъ и судить живыхъ и мертвыхъ поклонниковъ своихъ, а на Элеонской горѣ будетъ Іисусъ совершать судъ надъ христіанами. Англиканское кладбище за каменною оградою лежитъ на покатѣ Сіонской горы къ Гигонской долинѣ. Доселѣ на немъ еще мало гробницъ, а мѣсто обширное, и между ними изъ бѣлаго мрамора гробница, привезенная изъ Европы, поставленная надъ прахомъ молодаго англійскаго лорда, кажется Роберта Петсона, который за нѣсколько лѣтъ, посѣтивши Іерусалимъ, занемогъ въ немъ и умеръ. Тутъ погребенъ и первый епископъ Іерусалимскій Александръ, о которомъ было такъ много шума въ тогдашнихъ газетахъ. На мѣстѣ, гдѣ онъ лежитъ, навалены пока одни каменья, а гробницы еще нѣтъ. По мнѣнію моего сопутника, упоминаемый въ Евангеліи Геѳсиманскій садъ не могъ быть тутъ, гдѣ его нынѣ показываютъ. Настоящее мѣсто слишкомъ близко къ городу, слишкомъ было въ виду у жителей городскихъ; а садъ или мѣсто, куда *уединялся* Христосъ для молитвы, должно было быть и мѣстомъ *уединеннымъ*; а потому скорѣе

должно искать его на-лѣво, въ углубленіи, на покатѣ Элеонской горы. Можетъ быть и такъ; но какъ въ томъ удостовѣриться,—и много ли будетъ пользы, если и была бы возможность удостовѣриться. Кому недостаточно одного Евангелія, тому немного будетъ душевной прибыли, если и могли бы въ точности опредѣлены быть мѣстности, въ немъ упомянутыя. Понимаю, что можно спорить о вопросахъ, коихъ разрѣшеніе таится во мракѣ грядущаго: ибо этотъ мракъ прояснится и если не спорящіе, то по крайней мѣрѣ потомки ихъ, воздадутъ хвалу проницательности догадокъ прозрѣвшаго истину. Но спорить о тайнахъ, коихъ разрѣшеніе давнымъ давно погребено въ безпробудной ночи прошедшаго и въ грудахъ развалинъ и праха давно отжившаго,—есть дѣло совершенно суетное и безплодное. Догадка, какъ она ни будь правдоподобна, все останется догадкою, а не претворится въ убѣжденіе безъ знаменія свидѣтельства очевиднаго, которое пресѣкаетъ всѣ недоумѣнія при свѣтѣ непреложной истины. Пока Турки не дозволятъ дѣлать подземныхъ изысканій и разрывать землю, ничего положительнаго и даже приблизительнаго о древнемъ Іерусалимѣ знать невозможно,—или пока не изгонятъ Турковъ изъ здѣшнихъ мѣстъ. Но и тогда нужно ли будетъ, *благоразумно ли* будетъ, *богоугодно ли* будетъ *допытываться* человѣческой, вещественной истины, осязательной достовѣрности тамъ, гдѣ, можетъ статься, все должно быть неприкосновенно облечено святынею таинства. Не искушайте Господа вашего. Со страхомъ и вѣрою приступите, а не съ орудіями сомнѣнія и любопытства. Кто вѣруетъ во второе пришествіе и въ жизнь

будущаго вѣка, потерпи: онъ все тогда узнаетъ. Въ небесномъ Іерусалимѣ раскроется намъ подробная картина земнаго. Пока можемъ довольствоваться для земнаго и духовнаго странствованія нашего указаніями — пожалуй, для человѣческаго любопытства и неполными — Евангелія, не подвергая его ученой критикѣ, какъ мы то дѣлаемъ съ Иліадою.

Обѣщалъ отцу Іосифу Петрову, іеромонаху въ Іерусалимѣ (изъ Сербовъ), прислать изъ Россіи церковныя книги и *церковный кругъ*.

Прискорбно видѣть въ Іерусалимѣ, какъ христіанскія церкви—Греческая, Латинская и Армянская—особенно озабочены препятствовать другъ другу возобновить разваливающуюся крышу храма Гроба Господня; а соединенными силами возобновить ее не хотятъ, особенно Греки, признающіе за собою исключительно на это право и не желающіе допускать другихъ участвовать въ этой перестройкѣ. Какъ ожидать устройства единства германскаго въ многодержавномъ сеймѣ германскихъ племенъ, когда здѣсь, на святомъ мѣстѣ, три церкви единаго Бога мятутся и раздираются междуусобными происками и личными страстями, и то не въ дѣлѣ внутренняго убѣжденія и вѣрованія, въ которое, по человѣческой немощи и слѣпотѣ, страсть можетъ еще проникнуть, а просто въ дѣлѣ совершенно вещественномъ, гдѣ вся рѣчь идетъ о томъ, что дать ли куполу провалиться или нѣтъ. По неволѣ опять Турки должны будутъ вмѣшаться въ это дѣло и сильною владычною рукою,—сильная владычная рука турецкая въ христіанскомъ вопросѣ! какая безобразная смѣсь словъ и по-

нятій,—примирить другъ противъ друга враждующихъ христіанъ. По словамъ намѣстника, кажется, здѣсь французскій консулъ нарочно ѣздилъ во Францію, чтобы склонить правительство дѣятельно вмѣшаться въ этотъ споръ и требовать отъ турецкаго правительства не дозволять Грекамъ, безъ участія Латинъ, возобновлять куполъ.

20-го. Вечерня въ патріаршеской церкви на канунѣ праздника св. Елены и Константина. Вечеромъ былъ у епископа. Разсказывалъ про свое житье въ Абиссиніи, гдѣ, между прочимъ, долженъ былъ ходить на босу ногу, потому что не могъ привыкнуть носить сандалій, а башмаковъ и сапоговъ не было. Много говорилъ о нравахъ и обычаяхъ обезьянъ, которыми Абиссинія изобилуетъ. Однажды онъ съ женою путешествовалъ въ сообществѣ съ стадомъ обезьянъ, около двухъ сотъ, которыя двое сутокъ слѣдовали за нимъ, останавливались съ нимъ на привалахъ и ночлегахъ. Вообще, въ нихъ большой духъ порядка и предосторожности; когда онѣ переселяются съ мѣста на мѣсто, то женъ и дѣтей ставятъ въ середину, а самцы образуютъ аванъ и арріергардъ, а по нѣскольку идутъ по бокамъ. У иныхъ самцовъ по двѣ самки; въ извѣстный часъ сходятся они на извѣстное мѣсто — приготовятъ дѣтямъ что нибудь ѣсть и оставляютъ, а сами отправляются по сторонамъ; обезьяны-двуженцы одну изъ нихъ ударятъ по спинѣ, и та идетъ съ самцомъ рядомъ, а другая слѣдуетъ подалѣе, и когда тѣ остановятся, она въ нѣкоторомъ разстояніи сидитъ въ грусти; тутъ обыкновенно подходитъ, но не близко, а въ почтительномъ разстояніи, самецъ, не имѣющій

жены и разными выраженіями и тѣлодвиженіями заводятся между ними *отношенія*; между тѣмъ, ревнивый мужъ, хотя и въ объятіяхъ другой жены, догадывается, что съ оставленною женою можетъ дѣлаться что нибудь нехорошее, бросается и, видя, что передъ нею сидитъ вздыхатель — начинаетъ бить кокетку. Иногда видѣлъ онъ, какъ обезьяна принесетъ съ поля зерна и раздаетъ ихъ женамъ; когда одной достанется менѣе, она долго подачу свою перебираетъ лапами, подходитъ къ другой, и когда удостовѣрится, что она передъ другою обижена, кидаетъ все съ досадою въ мужа. Тогда мужъ отбираетъ, что каждой далъ, и дѣлаетъ новый и болѣе ровный раздѣлъ. Онѣ довольно цѣломудренны и таятъ любовь свою въ тѣни кустовъ.

21 Мая. Обѣдня въ патріаршеской церкви. Палатки разбиты по террасамъ. Бѣднымъ раздаютъ хлѣбъ и вино. Ѣздилъ на Соломоновы пруды. Очень замѣчательные остатки древности. Начинаютъ засыпаться землею; вѣроятно легко было бы ихъ привесть въ исправное и первобытное положеніе. Заѣзжалъ въ греческій монастырь великомученика Георгія. Тутъ есть чудотворный образъ, исцѣляющій сумасшедшихъ. Къ нему имѣютъ большое довѣріе Православные и Турки. Читали передъ образомъ молитву за П. А. Кологривова и Батюшкова. Взялъ для каждаго изъ нихъ по свѣчѣ *). Показывали мнѣ доску съ алтаря, на нѣсколько кусковъ разбившуюся, когда священникъ нечаянно пролилъ на нее

*) *Примѣчаніе автора.* Не предвидѣлъ я тогда и моей настоящей болѣзни, и о себѣ помолился бы я и взялъ свѣчу третью. Парижъ. 21 Декабря 1851 года.

евхаристію и самый священникъ вскорѣ послѣ того умеръ. На обратномъ пути заѣзжалъ въ Виѳлеемъ; нашелъ добраго Діонисія, служившаго вечерню въ кругу своихъ виѳлеемитовъ. У насъ многіе сельскіе священники имѣютъ паству гораздо болѣе многочисленную и богатую, чѣмъ этотъ митрополитъ. Отправился я изъ города въ часъ по полудни и возвратился въ 7.

Въ монастырѣ св. Екатерины, вдова Анна Иванова Эрцегова, изъ Сербіи; мужъ ея (Дмитрій Георгіевичъ) служилъ при сербскомъ депутатѣ въ Константинополѣ — оказывалъ услуги русскимъ и русскому войску. Она уже подавала, года за два, прошеніе Титову объ оказаніи ей пособія, и имъ опредѣлена въ Екатерининскій монастырь. Дали письмо къ нему.

22 Мая, Понедѣльникъ. Всходилъ пѣшкомъ на Элеонскую гору; обошелъ ее кругомъ по вершинѣ, карабкаясь по камнямъ. Мѣсто, гдѣ полагаютъ, что совершилось Вознесеніе, не высшее, но это ничего не значитъ. Нѣтъ причины заключать, что Спаситель вознесся съ высшей точки горы. Съ противоположной стороны города открывается прекрасный, то есть обширный, видъ на Аравійскія горы и на Мертвое море. Смотришь, смотришь на голубую поверхность его, все ждешь: не промелькнетъ ли на ней рыбачья лодка, не забѣлѣетъ ли парусъ, но все безжизненно и пустынно. Видны также зеленѣющіе берега Іордана, но рѣки не видать. Аравійскія горы были словно подернуты сизымъ пáромъ — въ нихъ есть что-то фарфоровое. Говорятъ, онѣ являются иногда во всѣхъ радужныхъ цвѣтахъ, даже и въ зеленомъ. Я этого не видалъ. На Элеонской горѣ арабъ

предлагалъ мнѣ купить живую большую змѣю, которую онъ держалъ въ рукахъ, крѣпко схвативъ ее за горло. Я не могъ добраться толку: ядовитая ли, то есть смертельно ли ядовитая она, или нѣтъ, но понялъ только, что многіе Турки и Арабы могутъ безвредно обходиться съ змѣями и исцѣлять раны, которыя онѣ наносятъ. Всего видѣлъ я одну или двѣ змѣи; но смотря по мѣстности, ихъ должно быть довольно много. Впрочемъ, жители отдыхаютъ и спятъ въ полѣ съ верблюдами и другимъ скотомъ своимъ, и нельзя сказать, чтобы боялись они змѣй. Слышалъ я и о ящерицахъ и хамелеонахъ, но съ худыми глазами моими не видалъ ихъ и ничего не могу сказать о нихъ. Пѣнія птицъ я не слыхалъ, а одно ихъ щебетанье. Говорятъ, что въ кустахъ, осѣняющихъ Іорданъ, водятся соловьи; но меня, по крайней мѣрѣ, пѣніемъ своимъ они не привѣтствовали. За то наслушался я ословъ и верблюдовъ и необычайно звонкаго кваканія лягушекъ у источника св. Елисея. Сюда-же идетъ молебный вой съ высотъ минаретовъ, который, впрочемъ, имѣетъ свою унылую торжественность. Христіанскаго колокольнаго звона здѣсь нѣтъ. Даже въ храмахъ бьютъ въ доску, чтобы сзывать къ службѣ.

23. Вторникъ. Сегодня во 2-мъ часу по полуночи слушали мы литургію на Гробѣ Господнемъ. Служилъ по-русски отецъ Веніаминъ. Послѣдняя наша Іерусалимская обѣдня. Поминали нашихъ усопшихъ и живыхъ. Послѣ на Голгоѳѣ совершали панихиду за упокой Машеньки и другихъ усопшихъ дѣтей нашихъ и сродниковъ. У камня, отвалившагося отъ Гроба при Воскресеніи

Спасителя, просишь и молишь, чтобы отвалился и отъ души подавляющій и заграждающій ее камень и озарилась бы она, согрѣлась, упокоилась и проникнулась вѣрою, любовію къ Богу и теплотою молитвы. Но къ прискорбію, не слыхать изъ души отрадной вѣсти: „съ мертвыми что ищете?“ Нѣтъ, душа все тяготѣетъ, обвитая смертнымъ сномъ. „Господи! даждь мнѣ слезы, и память смертную и умиленіе“. Эта молитва Іоанна Златоуста. Стало быть умиленіе и слезы души не такъ легко доступны и не такъ легко обратить ихъ въ привычное состояніе души. Тѣ, которые хотятъ основать достовѣрность Евангелія, между прочимъ, и на видимыхъ, вещественныхъ остаткахъ приевангельской эпохи и призываютъ камни въ свидѣтельство непреложности событій, забываютъ слова Спасителя, сохранившіяся не въ человѣческихъ преданіяхъ, а въ самомъ Евангеліи, что въ Іерусалимѣ „не имать остати *камень на камени*, иже не разорится“ (Мато., 24,2). Свидѣтельство Христа поважнѣе и торжественнѣе камней.

Только нѣсколько часовъ остается еще до отъѣзда нашего изъ Іерусалима. Можно безъ умиленія и особеннаго волненія въѣхать въ Іерусалимъ, но нельзя безъ тоски, безъ святой и глубокой скорби проститься съ нимъ, вѣроятно навсегда. Тутъ чувствуешь, что покидаешь мѣсто, не похожее на другія мѣста, но покидаешь Святой Градъ, что святой подвигъ совершенъ и что уже заплескала и зашумѣла волна, которая тебя унесетъ и броситъ въ пучину житейскихъ заботъ и искушеній и во всѣ мелочи и дрязги, составляющія мірскую жизнь; мнѣ же всегда грустно покинуть мѣсто, гдѣ я безъ бѣды

провелъ нѣкоторое время. Къ грусти присоединяется и досада, что я не хорошо умѣлъ воспользоваться протекшимъ временемъ, что растратилъ по пустому много часовъ, что не извлекъ всего, что могъ извлечь. И въ пребываніи моемъ здѣсь погибло много дней; а здѣсь каждый часъ долженъ быть дорогъ и запечатлѣнъ въ памяти ума, чувства и души.

Прислать Іерусалимскому епископу французскій переводъ Стурдзы проповѣдей Филарета и Иннокентія. Книгу Стурдзы о должностяхъ священническаго сана отдалъ отцу Веніамину въ монастырь св. Ѳеодора въ Іерусалимѣ.

Намѣстникъ Святаго Петра т. е. митрополитъ Петры Аравійской, благословилъ насъ крестомъ съ частицею отъ животворящаго древа креста. Онъ снялъ его съ шеи *). Далъ еще кусокъ обгорѣлый отъ дверей храма, сгорѣвшихъ въ 1808 году.

Отецъ Веніаминъ отслужилъ намъ напутственное молебствіе на Гробѣ Господнемъ. Прощался я съ Іерусалимомъ: ѣздилъ верхомъ, выѣхалъ въ Яффскія ворота, спустился въ Гигонскую долину, заходилъ въ Геѳиманскую пещеру, гдѣ Гробъ Божіей Матери. Мимо Дамасскихъ воротъ, возвратился чрезъ Яффскія. Нервы мои были разстроены отъ разнаго тормашенія, дорожныхъ сборовъ, и потому не простился съ Іерусалимомъ въ томъ ясномъ и спокойномъ духѣ, съ какимъ надлежало бы.

*) *Примѣчаніе автора.* И я грѣшный и окаянный ношу его на шеѣ; но благодать его не дѣйствуетъ на мое заглохшее и окаменѣлое сердце. Господи! Умилосердись надъ нами! Просвѣти, согрѣй мою душу! Парижъ. Декабрь 1851 г.

Но прекрасное захожденіе Іудейскаго солнца, которое озлащало горы, умирило мои чувства и наполнило душу мою умиленіемъ. Сумракъ долинъ и освѣщеніе горъ и городскихъ стѣнъ, вотъ послѣднее отразившееся во мнѣ впечатлѣніе. Завтра въ 5-мъ часу утра думаемъ выѣхать изъ Іерусалима.

---

24 Мая 1850 г. Середа. Думали выѣхать въ 5-мъ часу, а выѣхали въ 7. Съ дорожными сборами и съ отъѣздами бываетъ тоже, что съ обѣдами бѣднаго Михаила Орлова, на которые жалуясь, бѣдный Евдокимъ Давыдовъ—о комъ ни вспомнишь, все покойники—говорилъ, что Орловъ обѣдаетъ въ четыре часа въ шестомъ. На послѣднемъ пригоркѣ, съ котораго видѣнъ Іерусалимъ, слѣзъ я съ лошади и поклонился съ молитвою въ землю, прощаясь съ Іерусалимомъ, какъ съ родною могилою. И подлинно, Іерусалимъ могила, ожидающая воскресенія и, какъ воскресеніе Лазарево, совершится оно еще на землѣ. Какъ поживешь во Святомъ Градѣ, проникнешься убѣжденіемъ, что судьбы его не исполнились. Тишина въ немъ царствующая, не тишина смерти, а торжественная тишина ожиданія. Мы ѣхали очень хорошо и даже трудный переходъ чрезъ горы показался мнѣ гораздо легче, нежели въ первый разъ. Возвратный путь, какъ уже знакомый, всегда менѣе тягостенъ, да и тутъ болѣе спускаешься, чѣмъ подымаешься. Я въ этотъ разъ успѣлъ даже разглядѣть зелень деревьевъ, растущихъ по бокамъ горъ, и нашелъ, что край вовсе не

такъ дикъ и безжизненъ, какъ показался онъ мнѣ въ первый разъ. Къ тому же, по всѣмъ разъѣздамъ и прогулкамъ заіерусалимскимъ такъ привыкнешь къ безпрерывнымъ восхожденіямъ и нисхожденіямъ по крутизнамъ скалъ, мимо пропастей и надъ пропастями, что вовсе забудешь, что есть на свѣтѣ лощины и прямыя и плоскія дороги. Подъѣзжая къ знаменитому селенію Абугошъ, нашли мы около дороги подъ деревьями все женское населеніе, которое кружилось въ хороводѣ и пѣло, или выло. Нашъ Абдула кое-какъ истолковалъ мнѣ, что онѣ совершаютъ родъ тризны, или поминокъ по *большомъ человѣкѣ, который умеръ.* Должно быть родственникъ, кажется, дядя знаменитаго разбойника—владѣльца Абугошъ, который нынѣ гдѣ-то содержится въ тюрьмѣ. Я хотѣлъ полюбопытствовать и подъѣхалъ поближе, чтобы разсмотрѣть обрядъ этихъ женщинъ; но Абдула умолялъ меня не останавливаться и скорѣе проѣхать мимо. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ же выбѣжалъ арабъ и началъ кричать на меня и, видя, что слова его не очень дѣйствуютъ на меня, поднялъ камень и грозился бросить его мнѣ въ голову. На такое убѣдительное приглашеніе былъ одинъ благоразумной отвѣтъ—поворотить лошадь на дорогу и ѣхать далѣе. Такъ я и сдѣлалъ. Но одинъ изъ провожатыхъ нашихъ, грекъ православный, отсталъ отъ насъ и даже подошелъ къ хороводу. Тутъ сбѣжалось нѣсколько Арабовъ, повалили его на землю, и начали колотить кулаками и каменьями. Побіеніе каменьями совершилось здѣсь въ числѣ живыхъ преданій—я предлагалъ нашему конвою ѣхать на выручку его, но они, зная обычаи края, замѣтили мнѣ, что насъ

всего человѣкъ пять, и что если вмѣшаемся въ это дѣло, то все населеніе, т. е. человѣкъ 500, сбѣжится и нападетъ на насъ. И на это убѣжденіе должно было согласиться отложить рыцарскія чувства въ сторону. Вскорѣ битый грекъ догналъ насъ какъ встрепанный, и данныя ему мною 20 піастровъ совершенно залечили его побои. Въ Рамлю пріѣхали мы часу въ 4-мъ по полудни и ночевали въ греческомъ монастырѣ, гдѣ комары, мошки и разныя насѣкомыя оставили на тѣлахъ нашихъ болѣе слѣдовъ, нежели камни на тѣлѣ нашего грека. Рамля съ окружающею ее растительностью очень живописна. Здѣсь должна быть сцена поэмы Ѳедора Глинки. Саронскія равнины прославлены въ Священномъ Писаніи. Въ Рамлѣ греческая церковь во имя св. Георгія. Тутъ показываютъ обломокъ колонны, о которой монахъ разсказалъ намъ слѣдующее: когда строили церковь, отправили судно въ какой-то приморскій городъ, чтобы привезти изъ него четыре колонны для поддержанія свода. Когда нагружали эти колонны, какая-то женщина пришла просить судохозяина взять въ жертву отъ нея пятую колонну, для украшенія храма. Хозяинъ отказалъ ей въ просьбѣ, говоря, что мѣста нѣтъ для пятой колонны и на суднѣ и въ самой церкви, гдѣ нужно только четыре. Огорченная отказомъ женщина плакала, возвратилась домой и легла спать. Во снѣ видитъ она человѣка, который спрашиваетъ ее о причинѣ ея скорби—она объясняетъ. Онъ утѣшаетъ ее и говоритъ ей: гдѣ хочешь ты, чтобы эта колонна въ церкви стояла. Она отвѣчаетъ: на право отъ дверей. Напиши все это на колоннѣ и все будетъ сдѣлано по твоему желанію. Она во снѣ исполнила приказаніе незна-

комаго видѣнія. При выгрузкѣ судна нашлась на берегу неизвѣстно кѣмъ и какъ доставленная туда колонна и поставлена во храмѣ согласно желанію женщины. Нынѣ она на лѣво отъ входныхъ дверей. Но эти двери новыя, а старыя, по какой-то причинѣ, задѣланы во время похода Бонапарта въ Египетъ. Въ Рамлѣ также подземное водохранилище; приписываютъ и его Еленѣ, но, по справедливому замѣчанію Шатобріана, почти всѣ зданія носятъ имя ея, хотя, судя по лѣтамъ ея, едвали могла бы она успѣть до кончины своей соорудить столько зданій и оставить по себѣ столько памятниковъ. Тутъ же довольно хорошо сохранившаяся башня церкви Сорока Мучениковъ.

Ѣхавъ въ Яффу заѣзжалъ я въ сторону, въ Лидду, гдѣ видѣлъ прекрасные остатки церкви также во имя св. Георгія. Въ этихъ развалинахъ совершаетъ иногда литургію греческое духовенство. Это уваженіе къ святынѣ, даже разоренной рукою времени и людей, имѣетъ что-то трогательное.

Въ Яффу прибыли мы въ Четвергъ, 25 числа, къ тремъ часамъ по полудни. На другой день англійскій пароходъ, который ожидали только дня черезъ два, рано утромъ стоялъ уже на рейдѣ. Я окрестилъ у консула Марабутти и добраго хозяина нашего новорожденную дочь его Марію. Около пяти часовъ по полудни (Пятница) сѣли мы въ большую арабскую лодку и поплыли къ пароходу, который стоялъ довольно далеко отъ берега, вытаскивая, но напрасно, купеческое судно, весною разбившееся. Дулъ сильный вѣтеръ, и порядочно, или слишкомъ безпорядочно насъ покачало. Наконецъ

кое-какъ добрались мы до парохода. Къ ночи вѣтеръ утихъ. Я всю ночь пролежалъ и частью проспалъ на палубѣ. Ночь была теплая, и я не чувствовалъ никакой сырости. Къ сожалѣнію, я просмотрѣлъ или проспалъ гору Кармиль. Утромъ были мы близъ Сидона и часу въ 12-мъ утра пристали къ Бейруту.

Бейрутъ. 2 Іюня. По пріѣздѣ сюда узнали мы, что намъ доведется здѣсь прожить 18 дней въ ожиданіи австрійскаго парохода. Слишкомъ много для Бейрута, не смотря на то, что намъ очень покойно и хорошо въ прекрасномъ домѣ Базили, что видъ изъ оконъ на синее море, на горы Ливанскія, на зеленые сады, облегающіе городъ, чудно прелестенъ. Я хотѣлъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы съѣздить въ Дамаскъ, но Базили отсовѣтывалъ, стращая жарами. Между тѣмъ большихъ жаровъ еще нѣтъ, и я очень удобно могъ бы съѣздить. Досадно. Положеніе Бейрута чрезвычайно живописно. Ничего лучше въ созданіи міра не придумано, какъ это сліяніе синевы моря съ зеленью древесною. Прогулка по Расъ-Бейруту—набережная по мысу вдоль моря. *Расъ* по-арабски значитъ *голова* и *мысъ*... За полчаса отъ города роща *De Pins*. Прорѣзывающія ее аллеи навели на душу мою грустное воспоминаніе о Лѣсной дачѣ. Потомъ спустились мы къ рѣкѣ, нынѣ маловодной, но зимою заливающей большое пространство. Нынѣ на ложѣ рѣки вмѣсто воды растутъ во множествѣ кусты розоваго лавра. Кое-гдѣ густая зелень деревьевъ на берегу. Рѣдко встрѣчаешь на Востокѣ картины подобной сельской красивости и свѣжести. Для меня это лучшія картины. Любителямъ грандіознаго есть также здѣсь на что полюбо-

ваться — величавымъ амфитеатромъ Ливанскихъ горъ. По берегу моря здѣсь и тамъ встрѣчаешь остатки молы, колоннъ, которые доказываютъ, что нѣкогда рейдъ и набережная были хорошо и великолѣпно устроены. Говорятъ, что и теперь за нѣсколько десятковъ тысячъ піастровъ можно бы исправить пристань и сдѣлать ее безопаснѣе. Вообще Бейрутъ въ другихъ рукахъ могъ бы легко сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ и пріятнѣйшихъ городовъ въ мірѣ. Базили написалъ очень любопытное сочиненіе о Сиріи. Онъ уже въ Петербургѣ читалъ мнѣ нѣсколько главъ изъ него, а здѣсь прочиталъ другія. Въ статистическомъ, историческомъ и политическомъ отношеніяхъ онъ очень хорошо знаетъ этотъ край. Жаль, что въ дипломатической нашей совѣстливости не позволяется ему напечатать это сочиненіе. Вездѣ всѣ обо всемъ пишутъ. Съ журналами и политическими трибунами тайна изгнана съ лица земли. У насъ однихъ нашла она себѣ убѣжище, какъ истина въ колодцѣ. Мы одни притворяемся, что ничего не знаемъ, ничего не видимъ. Всего забавнѣе, что наша молчаливость не спасаетъ насъ отъ общаго нареканія, что мы во все вмѣшиваемся, во все пронырствомъ своимъ проникаемъ и цѣною золота покупаемъ всѣ тайны всѣхъ государствъ и народовъ. Разумѣется, излишняя болтливость и нескромность не годится; но есть предѣлы и гласности и сокровенности. Третьяго дня провелъ я вечеръ у австрійскаго консула, славянской породы. Жена его пѣла, между прочимъ, романсъ Вьельгорскаго: *Любила я*, въ нѣмецкомъ переводѣ. Музыка — языкъ всеобщій. Пушкина въ Бейрутѣ не знаютъ, а Вьельгорскій дома. Тутъ былъ

капитанъ австрійскаго военнаго парохода. Онъ везетъ изъ Алепа въ Тріестъ лошадей для императора. Въ Мадерѣ и Лисабонѣ видѣлъ онъ наши военные корабли и ставитъ ихъ выше англійскихъ, особенно по исправности, скорости и точности маневровъ нашихъ. Я полагаю, что у насъ недостатокъ въ офицерахъ — и то потому, что у насъ все стоячіе флоты: негдѣ имъ набраться навыка и практическихъ свѣдѣній; просто негдѣ натереться. Кронштадтъ, Николаевъ, Севастополь— дыры, гдѣ глохнетъ ихъ дѣятельность и русская смышленость. По счастію узналъ я, что городскіе ворота довольно свободно растворяются, и по вечерамъ брожу по берегу моря, прислушиваясь, какъ волны съ плескомъ и шумомъ раздробляются о камни и скалы, коими усѣянъ берегъ. Съ грустью думаю, что проведя всего около трехъ мѣсяцевъ въ здѣшнихъ краяхъ, и изъ этого итога только 35 путныхъ дней насчитается въ пребываніе въ Іерусалимѣ. Ни Назарета, ни многихъ другихъ Святыхъ Мѣстъ я не видалъ. Не увижу Дамаска. Это въ моей судьбѣ: въ ней ничего полнаго не совершается. Все недоноски, недодѣлки. Ни въ чемъ, ни на какомъ поприщѣ я себя вполнѣ не выразилъ. Никакой цѣли не достигъ. Вертѣлся около многаго, а ничего обѣими руками не схватилъ, начиная отъ литтературной моей дѣятельности—до служебной и до страннической. Многіе, съ меньшими средствами, съ меньшими способностями, съ меньшимъ временемъ въ ихъ распоряженіи, болѣе слѣдовъ оставили по себѣ, духовныхъ и вещественныхъ, болѣе сотворили, изъѣдали и болѣе пространства протоптали. Впрочемъ, это во мнѣ и со мною не случайность,

а погрѣшность, недостатокъ, худое свойство моей воли, излишняя мягкость ея, которую не умѣю натянуть и которая свертывается при слабомъ прикосновеніи къ ней мысли.

Есть картина Мурилло, изображающая мать, которая *ищетъ въ головѣ* маленькаго сына своего. Она находится въ Мюнхенской галлереѣ и извѣстна подъ именемъ: vieille femme épouillant un enfant.—Сказать о ней Гоголю, если картина ему неизвѣстна, чтобы утѣшить его отъ нападеній нашихъ гадливыхъ, чопорныхъ критиковъ, у которыхъ также, если *поискать* въ головѣ, вѣроятно найдешь болѣе вшей, нежели мыслей.

3 Іюня. Вчера обѣдали у Базили бейрутскій паша, французскій консулъ съ женою, французскій докторъ съ женою, сардинскій консулъ; все, кажется, люди порядочные и образованные, разумѣется за исключеніемъ паши. У меня все въ головѣ Дамаскъ и Бальбекъ вертятся и подмываютъ меня—и остается одна досада, что не попаду туда. Надобно было ѣхать дня два или три по пріѣздѣ въ Бейрутъ.

4 Іюня, Воскресеніе. Въ Бейрутѣ встрѣчаются женщины - единороги. У нѣкоторыхъ изъ нихъ головной уборъ состоитъ изъ рога, серебрянаго или золотаго, дутаго въ полъ-аршина, если не болѣе; сзади для равновѣсія, т. е. для того, чтобы рогъ не клонилъ головы, висятъ шарики довольно толстые. Рогъ прикрытъ бѣлою тканью, которая опущена по плечамъ. Женщины не скидаютъ убора и ночью, и спятъ съ этимъ орудіемъ пытки. И въ семействахъ другихъ князей жены носятъ этотъ уборъ. Любопытно было бы знать—откуда и какъ усвоился здѣсь этотъ странный нарядъ?

Вчера ѣздилъ я верхомъ въ одно селеніе, часа за два отъ города, на первомъ приступѣ Ливанскихъ горъ. Прогулки въ окрестности здѣсь очень хороши; роща *пиновъ*, когда еще болѣе разростется—древняя была срублена—будетъ въ жаркіе дни лѣта прохладнымъ и благодатнымъ убѣжищемъ. Эти *pins*—облагороженные наши сосны и елки. Зонтичные pins à parasol очень живописны. Я видалъ ихъ въ римскихъ садахъ. Кто-то сказалъ, что кипарисы похожи на свернутые зонтики, а тѣ на развернутые. Вчера обѣдалъ у Базили французкій врачъ Grimaldo, бывшій при Ибрагимѣ-пашѣ во время походовъ его. Теперь онъ въ Саидѣ главнымъ врачемъ центральнаго госпиталя. Онъ разсказываетъ много забавнаго про фантастическій и донъ-кихотскій походъ знаменитаго Іокмуса изъ Іерусалима къ Газѣ, гдѣ 18,000-ный корпусъ турецкій едва не далъ тяги при нападеніи 300 наѣздниковъ изъ войска Ибрагима. Онъ говорилъ, что леди Стенгопъ умерла въ бѣдности и оставивъ по себѣ до 200,000 піастровъ долга. Она была въ рукахъ Арабовъ и другихъ пройдохъ, которые совершенно ею овладѣли и пользовались помѣшательствомъ разсудка, чтобы ограбить ее. Послѣ посѣщенія Ламартина и разсказовъ его объ этомъ посѣщеніи, она не допускала до себя путешественниковъ. Чтобы опредѣлить и оцѣнить Ламартина, довольно одного замѣчанія: никто изъ путешествующихъ по Востоку не беретъ книги его съ собою. И этотъ гармоническій пустомеля могъ держать Францію подъ дуновеніемъ слова своего во власти своей нѣсколько дней! Не доказываетъ ли это, что въ нѣкоторомъ отношеніи Франція мыльный пузырь.—Правда, что иногда этотъ пузырь начиненъ порохомъ и горючими веществами.

Послѣ Іерусалимскаго Шатобріана напалъ я въ Бейрутѣ на замогильнаго Шатобріана въ листкахъ La Presse, и онъ иногда завирается, но у меня сердце лежитъ къ нему. Въ немъ и болѣе дарованія, чѣмъ въ Ламартинѣ, и болѣе благородства. Онъ мыслитъ и чувствуетъ какъ благородный человѣкъ, какъ *дворянинъ*; а—воля ваша—это не бездѣлица въ вѣкъ бунтующихъ холоповъ. Въ замѣну леди Стенгопъ, здѣсь поселился потомокъ славнаго Мальбруга; онъ *обарабился*, женился на арабкѣ низшаго состоянія и во всѣхъ отношеніяхъ ничтожной—и выписалъ двухъ дочерей своихъ отъ перваго брака, которыхъ отдалъ въ руки необразованной и сердитой мачихѣ.

5 Іюня. Выѣхалъ изъ Бейрута въ десятомъ часу утра. Дорога часа на полтора по берегу моря, у подошвы Ливанскихъ горъ. Море какъ необозримая лазурная скатерть развертывается, и серебряная бахрома ея плещется въ берегъ и стелется подъ ноги лошади. Голыя горы дико и грозно возвышаются—наконецъ сворачиваешь къ нимъ и начинаешь подыматься, подыматься, подыматься. Іудейскія горы—шоссе въ сравненіи съ ними. Вообразите себѣ, что подымаетесь верхомъ на Ивановскую колокольню *огромнаго размѣра*, на нѣсколько сотень Ивановскихъ колоколенъ, взгромоздившихся одна на другую, и подымаетесь по ступенямъ оборвавшимся и катящимся подъ ногами лошади; но арабская лошадь идетъ себѣ по этой фантастической дорогѣ какъ по битой и ровной. Море всегда въ виду. Я принималъ сначала селенія, лежащія въ ущельяхъ, за кладбища. Съ высоты, домà казались мнѣ надгробными каменьями. На одинъ часъ останавливались для отдыха въ селеніи ма-

ронитскомъ *Брейзѣ*. Тутъ все народоселеніе маронитское. Оттуда дорога получше и природа живѣе и зеленѣе. Шелковичные разсадники—по ступенямъ горы, снесены камни и образуются гряды. Здѣсь обработка земли, или лучше сказать камня, исполинская работа. Наши европейскіе поселяне не управились бы съ нею. За четверть часа до *Бекфея*, монастырь; предъ нимъ огромные камни и большое тѣнистое дерево; оттуда видѣнъ Бейрутъ, словно сложенные камни, и бейрутскій рейдъ съ кораблями, которые какъ мухи чернѣютъ на водѣ, а предъ глазами домъ эмира Гайдара, который европейскою наружностью и зелеными ставнями своими привѣтно улыбается усталому путнику. Въ четвертомъ часу я подъѣхалъ къ дому и заранѣе отправилъ къ князю переводчика своего съ письмомъ Базили. Вышли ко мнѣ на встрѣчу всѣ домашніе, дѣти, внуки князя и вся дворня. Князь ввелъ меня въ пріемную комнату; послѣ первыхъ привѣтствій, поднесли мнѣ рукомойникъ съ свѣжей водою; потомъ покрыли меня флеровымъ, золотомъ вышитымъ, платкомъ и поднесли курильницу, окурили меня, или пожалуй окадили меня, послѣ вспрыснули благовонною влагою; тутъ шербетъ, кофе, трубка. Внуки князя, дѣти единственной дочери его замужемъ за его племянникомъ, очень красивы, лица выразительныя. Одѣты синимъ плащемъ, съ воротникомъ, шитымъ золотомъ. Комната очень чистая, бѣлая штукатурка порядочно расписанная цвѣтами. Домъ еще не совсѣмъ отстроенъ. Въ селеніи Брейзѣ принимали меня за доктора, подводили больныхъ дѣтей, водили меня къ постели одного больнаго, движеніями давали мнѣ знать, чтобы я пощупалъ у него пульсъ.

На Востокѣ старыя сказки путешественниковъ и по-нынѣ все еще дѣйствительная быль. Чтобы отдѣлаться отъ своихъ паціентовъ и не дать имъ подумать, что я равнодушный и безсострадательный врачъ, я велѣлъ имъ сказать чрезъ переводчика моего, что я не лѣкарь, а московскій эмиръ, который ѣдетъ въ гости къ ихъ эмиру. Тутъ оставили они меня въ покоѣ. На верху дома эмира терраса съ фонтанами. Видъ прекрасный. Подалѣе нагія горы здѣсь одѣты роскошною и свѣжею зеленью. Море разливается у подошвы ихъ. Народонаселеніе очень любитъ эмира. Онъ человѣкъ набожный, справедливый и добрый. Не смотря на доброту его, на другой день при разсвѣтѣ, подъ окнами его, раздавались крики несчастныхъ, которыхъ били палками по пятамъ. Я въ то время собирался ѣхать и пилъ чай. Мнѣ хотѣлось послать къ эмиру и просить его помиловать несчастныхъ; но мнѣ сказали, что эти люди, по приговору судей и депутатовъ, наказываются за совершенныя ими преступленія. Вечеромъ обѣдали мы, или ужинали, сидя на полу. На подносѣ было около двадцати блюдъ разной дряни. Были вилки и ножи, но болѣе для вида. Къ тому же, сидя поджавши ноги, неловко рѣзать и покойнѣе и ловчѣе ѣсть по-восточному. Ничего нѣтъ скучнѣе разговоровъ черезъ переводчика. Переводчики обыкновенно люди глупые и худо знаютъ одинъ изъ языковъ, съ котораго или на который переводятъ. Все вертится на тонкостяхъ. Скажешь пошлость и слушаешь—какъ переводчикъ переноситъ ее на другой языкъ. Собесѣдникъ отвѣчаетъ также пошлостью; ждешь, пока положитъ онъ ее въ ротъ переводчику, который пережуетъ ее и потомъ уже пере-

дастъ тебѣ. Здѣсь же, на Востокѣ, каждое слово обшивается комплиментами. Я не понимаю, какъ европейскіе путешественники и книжки имѣли даръ заводить любопытные разговоры съ здѣшними жителями, не зная ни одного изъ восточныхъ языковъ. Я думаю, что многіе изъ этихъ разговоровъ выдуманы на досугѣ, чтобы бросить на книгу мѣстную краску. Меня тошнитъ отъ всякаго шарлатанства — послѣ двухъ-трехъ фразъ мнѣ всегда хочется сказать чрезъ переводчика собесѣднику: убирайся пожалуйста къ чорту и оставь меня въ покоѣ, какъ и я оставлю тебя.

Во вторникъ, 6 Іюня, отправился я изъ Бекфея въ 6-мъ часу утра. Ночевать долженъ я былъ въ Захле; часовъ за 7 или 8 —заѣзжалъ я въ іезуитскій монастырь возлѣ дома эмира. Два іезуита, церковь и школа. Въ горахъ есть и другіе іезуитскія заведенія. Нельзя не отдать справедливости іезуитской и вообще римской церковной дѣятельности. Зовите ее властолюбіемъ, но она приноситъ полезные плоды, а лица, которыя именемъ церкви дѣйствуютъ, достойны всякаго уваженія и не заслуживаютъ никакого нареканія. Они учатъ тому, во что сами вѣрятъ и чѣмъ проникнуты съ дѣтства. Церковь ихъ можетъ быть ошибается, но они добросовѣстные, ревностные исполнители ея воли и ученія. Самоотверженіе ихъ поразительно. Духовныя лица эти вообще люди образованные и должны жить посреди невѣжества и лишеній всякаго рода. Что же имъ дѣлать, какъ не пропаганда? На то они и посланы—духовные воины, разосланные по всѣмъ концамъ міра, чтобы завоевывать края оружіемъ слова и покорять завоеванныхъ власти,

пославшей ихъ. Они бодрствуютъ на стражѣ и не упускаютъ ни одного случая умножить побѣды свои. Да, это жизнь апостольская. Отъ настоятеля узналъ я, что живъ еще іезуитъ патеръ *Розавенъ*, который былъ при мнѣ въ іезуитской школѣ въ Петербургѣ. Я просилъ его передать ему поклонъ отъ стараго ученика, про котораго онъ вѣроятно забылъ, хотя онъ, и вообще іезуиты, меня любили и отличали; но никогда, ни пол-словомъ не старались поколебать во мнѣ мое вѣроисповѣданіе и переманить къ себѣ. Можно охуждать правительство или владыку за честолюбіе его, но преданные ему воины, которые, не жалѣя трудовъ жизни своей, ратуютъ съ честію и самоотверженіемъ по долгу совѣсти и присяги, возбудятъ всегда почтеніе во всѣхъ безпристрастныхъ людяхъ, и потому толки о пронырствахъ римскаго духовенства всегда мнѣ кажутся нелѣпы. Духовныя начала, на коихъ основана церковь наша, могутъ быть чище, но духовное воинство римской церкви образовано и устроено гораздо лучше нашего. Ихъ точно снѣдаетъ ревность о Домѣ Господнемъ—какъ, то есть чѣмъ, учили ихъ признавать этотъ Домъ. Смѣшно же требовать отъ этихъ миссіонеровъ, чтобы они обращали въ христіанство въ пользу протестантской или греческой церкви, а надобно же обращать или набирать въ какое нибудь вѣроисповѣданіе, пока не будетъ общаго, пока не будетъ единаго пастыря и единаго стада. Единый Пастырь и есть, но стадо разбито и ходитъ подъ различными таврами.

Дорога въ Захле лучше Бейрутской, усѣяна зелеными оазисами деревьевъ. Есть даже рощицы—что-то въ родѣ нашего ельника. Такъ пахнетъ иногда отъ нихъ

Русью, что захочется слѣзть съ лошади и пойти по грибы, но вспомнишь Тредьяковскаго и скажешь:

Лѣто всѣмъ ты любовно,
Но, ахъ, ты не грибовно.

На дорогѣ роща старыхъ и широковѣтвистыхъ деревьевъ въ мѣстечкѣ *Эльмрузъ*, съ маронитскою церковью и школою. Мальчишки на дворѣ у церковной паперти твердили уроки свои по арабскимъ книгамъ, вѣроятно духовнаго содержанія. Что изъ этого будетъ, Богу извѣстно; но сѣмена сѣются. Нельзя вообразить себѣ, какъ вся эта страна взволнована, взъерошена горами. Какая революція, почище всякой Іюльской и Февральской, раскопала эту мостовую и раскидала ея громадные камни. Ламартину вѣроятно было бы завидно, глядя на это. Революція его рукодѣлія—дѣтская игрушка; а тутъ видна рука Божія. Впрочемъ и эти титановскія и, казалось бы, неприступныя и непереступныя баррикады не заградили пути ни человѣческой промышленности, ни суетному человѣческому любопытству. И здѣсь, гдѣ только можно и гдѣ природа немного уступчивѣе и ручнѣе, засѣяны полосы, зеленѣютъ виноградники и шелковица. И здѣсь путешественникъ, отъ нечего дѣлать, покинувъ гнѣздо свое, карабкается по этимъ чудовищнымъ горамъ, подъ опасеніемъ, при малѣйшей невѣрности шага лошади своей, нанятой за 15 піастровъ на день, переломать себѣ ноги и руки, если не голову, одинъ разъ на всегда. Впрочемъ надо отдать справедливость горамъ: онѣ здѣсь очень живописны и своеобразны: то изсѣчены онѣ въ видѣ крѣпости съ башнями, то громадные камни лежатъ въ какомъ-то порядкѣ, точно кладбища съ гроб-

ницами исполиновъ, допотопныхъ титановъ. Поминутно прорываются, съ прохладительнымъ туманомъ, стремительные потоки. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой знойной сторонѣ чувствуешь не только внутреннюю жажду, но жаждутъ зрѣніе и слухъ; и одинъ видъ, и одно журчаніе воды уже усладительно, и утоляетъ и освѣжаетъ воображеніе. Со всѣмъ тѣмъ, горы хороши какъ декорація, но лазить съ непривычки по декораціямъ тяжело и накладно. А. Л. Нарышкинъ, путешествуя въ Германіи, отвѣчалъ проводнику своему, предлагавшему взойти на высокую гору, что онъ обходится съ горами какъ съ женщинами и любитъ быть всегда у ихъ ногъ. Шатобріанъ написалъ противъ горъ злой и краснорѣчивый памфлетъ.

Къ вечеру пріѣхалъ я въ Захле. Остановился въ домѣ шейха Абу-Ассафа, православнаго, родъ арабскаго старосты или бурмистра, но старосты на лихомъ конѣ и воинственнаго. Въ Захле смѣшаннаго народонаселенія тысячъ до десяти. За нѣсколько лѣтъ они воевали съ Друзами и одержали надъ ними побѣду. Мой староста показывалъ мнѣ съ гордымъ удовольствіемъ мѣсто его военныхъ подвиговъ. Захле на горѣ, въ виду Анти-Ливанъ, внизу извивается рѣчка. У меня вовсе нѣтъ мѣстныхъ красокъ, именъ урочищъ не помню, а записывать по пути скучно. Берега рѣки обсажены высокими тополями—царство прохлады. Отужинавъ съ шейхомъ, легъ спать. Тутъ было царство мухъ и мошекъ невидимыхъ и безслышныхъ—только догадаешься о нихъ, когда тайно и предательски впустятъ онѣ жало свое въ щеку или вѣки, которыя онѣ особенно жалуютъ.

Въ Среду, рано утромъ, отправился въ Балбекъ. Дорога ровная какъ скатерть по Балбекской долинѣ, широко растилающейся между двумя стѣнами Ливанскою и Анти-Ливанскою. Она почти вся обработана. Жатва, луга, на коихъ пасутся богатыя стада. Шелковая мурава, на которую можно и прилечь. Сельскія картины, успокоивающія и освѣжающія чувства послѣ судорожныхъ сценъ истерзанной и ломаной природы утесовъ; тутъ можно пустить коня своего вскачь, что я и сдѣлалъ къ неудовольствію спутниковъ и проводниковъ моихъ. Пришлось же мнѣ прослыть отчаяннымъ наѣздникомъ: я былъ всегда далеко впереди отъ каравана своего. Долина простирается верстъ на 60 въ длину и, судя по глазомѣру, верстъ на 20 въ ширину. Я проѣхалъ ее съ небольшимъ въ четыре часа, а казенная ѣзда шесть часовъ. О развалинахъ Балбека, послѣ того, что было о нихъ мною сказано, говорить нечего, къ тому-же жарко и писать не хочется. Развалины сами по себѣ, какія бы онѣ ни были, для глазъ и чувства моего, не имѣютъ много приманки. Я радъ, что видѣлъ Балбекскія развалины, но еще болѣе радъ, что на пути къ нимъ проѣхалъ часть Ливанскихъ горъ и Балбекскую долину. Природа въ какомъ бы видѣ она ни была, для меня всегда привлекательнѣе зданій здравствующихъ и зданій развалившихся; но здѣсь любопытно и поразительно видѣть, что дѣлали люди за нѣсколько тысячъ лѣтъ до насъ, какими громадами они поворачивали и какіе памятники воздвигали. Въ сравненіи съ ними, наши монументальныя зданія—карточные домики и дѣтскія игрушки; а Краевскій толкуетъ о прогрессѣ. Пришелъ бы онъ посмотрѣть на

развалины храма Балбека, посудить по немъ, что долженъ былъ быть городъ, вмѣщавшій въ стѣнахъ своихъ такое громадное зданіе. На какую высшую степень просвѣщенія, промышленности и художественности такое строеніе указываетъ, и сравнить все это съ опустѣніемъ, невѣжествомъ и бѣдностью духовною и матеріальною, которыя овладѣли нынѣ этимъ мѣстомъ. Я два раза осматривалъ развалины: въ первый день пріѣзда и во второй при мѣсячномъ сіяніи. На другой день еще посвятилъ нѣсколько часовъ на прогулку по развалинамъ. Онѣ обведены рѣчкою. Вода превосходная. Къ развалинамъ на ней построена мельница. Подъ широкими сводами сучатъ веревки. Вотъ нынѣшняя жизнь и значеніе нѣкогда знаменитаго и великолѣпнаго храма. Въ Троѣ и того не найдешь. Впрочемъ тамъ найдешь Гомера и его Иліаду, какъ въ Гомерѣ найдешь Трою. Въ Балбекѣ почевалъ у *мутрана*, епископа, грека Нимскаго. Онъ спрашивалъ меня о графѣ Остерманѣ-Толстомъ. Возвращаясь ночью отъ прилунной прогулки по развалинамъ, проходили мимо сада, гдѣ за стѣнами совершался мусульманскій дѣвичникъ, пѣли предсвадебныя пѣсни и били въ ладоши. Провожавшіе насъ Турки и христіане боялись долго оставаться на улицѣ, чтобы не нарушать, близкимъ присутствіемъ нашимъ, таинства женскаго сборища, которое признается у Турковъ гражданскою и домашнею святынею, неприкосновенною для мущинъ и особенно для гяуровъ. Въ Четвергъ въ 3 часа по полудни выѣхалъ я изъ Балбека; часу въ 8-мъ вечера возвратился въ Захле. За полчаса до селенія выѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу шейхъ въ красномъ бурнусѣ, соскочилъ

съ коня и съ поклономъ вложилъ мнѣ въ ротъ свою курящуюся трубку—величайшая восточная учтивость, которая нѣкогда переводилась на Западѣ предложенiемъ понюхать табаку изъ табакерки. И тутъ и тамъ—табакъ символъ привѣтствiя. Если хорошо бы порыться въ древ нихъ обычаяхъ, то можетъ быть найдешь, что обычаи одни и тѣ же, какъ мысли и понятiя, обходятъ съ нѣкоторыми измѣненiями кругъ земли и столѣтiй. Шейхъ провезъ меня по всей столицѣ своей, вѣроятно съ мыслью, удивить меня ея обширностью и многолюдствомъ, которое стекалось по пути его съ знаками почтенiя. А мнѣ хотѣлось проѣхать по другой сторонѣ—низменной, чтобы, при вечерней прохладѣ и блескѣ звѣздъ, полюбоваться теченiемъ рѣки и темною зеленью тополей. Но, не смотря на мои убѣжденiя, которыхъ онъ впрочемъ не понималъ, я долженъ былъ перемѣнить свою поэтическую прогулку на торжественное, но прозаическое шествiе по кривымъ и крутымъ улицамъ, мимо мазанокъ и лачугъ, и только съ вершины прислушиваться къ плеску струй, разливавшихся въ глубинѣ оврага. Вечеромъ Арабы пѣли, плясали передо мною родъ восточнаго *канкана* съ отрывистыми и угловатыми тѣлодвиженiями. Мало по малу плясунъ входитъ въ пассiю, кидается, вскликиваетъ, перегибаетъ спину свою назадъ, se cambre такъ, что закинувъ голову назадъ чмокается сзади губами своими съ однимъ изъ присутствующихъ и изнуренный падаетъ на свое мѣсто. На другой день, въ Пятницу, худо выспавшись отъ нашествiя разноплеменныхъ насѣкомыхъ, отправился я въ обратный путь въ 5 часовъ утра. По маршруту моему, этотъ переходъ раздѣленъ былъ на два

дня. Такъ и лошади были наняты; но я совершилъ его въ одинъ присѣстъ, къ неудовольствію моихъ спутниковъ и къ удивленію ожидавшихъ меня въ Бейрутѣ не ранѣе Пятницы. Около тринадцати часовъ былъ я на конѣ, съ малыми остановками въ *конакѣ*, чтобы выпить чашку кофе, и къ 7-ми часамъ, т. е. къ обѣду, былъ я въ домѣ Базили. Мой возвратный путь лежалъ или карабкался и корячился, по другимъ горамъ. Путь такой же тяжелый и со всякимъ другимъ конемъ, не туземнымъ или тугорнымъ, опасный—при солнечномъ сіяніи ѣхалъ я часы по туманамъ, или облакамъ, и проникнутъ былъ плавающею надъ мною и вокругъ меня влагою. Дороги разглядѣть не могъ; но тутъ были нужны не мои глаза, а лошадиные. Если лошадь моя обступилась бы, я могъ бы сказать буквально que je suis tombé des nues.—По вершинамъ нѣкоторыхъ горъ лежали снѣжныя полосы, какъ у насъ холсты для бѣленія по деревнямъ. Горы еще тѣмъ нехороши, особенно для усталаго путника, который видитъ передъ собою цѣль своего странствованія, что эта мнимая близость обманываетъ его зрѣніе. Съ крыльями и легко бы долетѣть по прямому направленію, но тутъ кружишься иногда часъ и болѣе почти все на одномъ мѣстѣ, потому что крутизна скалы не дозволяетъ прямо спускаться, а надобно лавировать.

Въ Субботу пришелъ австрійскій пароходъ, прибывшій на немъ изъ Константинополя. . . далъ намъ извѣстіе объ отъѣздѣ Павлуши и другія Стамбульскія вѣсти. Въ Воскресенье пришелъ русскій бригъ Неандеръ съ архимандритомъ Софоніею и Галенкою. У Базили обѣдали архимандритъ, капитанъ брига Рябининъ и графъ

Бутурлинъ съ сыномъ, промѣнявшій свое русское графство, свои русскія помѣстья и свою коренную личность на состояніе *не помнящихъ родства* и приписанныхъ къ Римской церкви. Итальянцами имъ не бывать, развѣ потомкамъ ихъ, а Русскими они уже не суть. Если все это по убѣжденію и для спасенія души, то и прекословить нечего. Въ нѣкоторомъ отношеніи можно иногда пожалѣть о нихъ, но еще болѣе должны имъ позавидовать, ибо временныя блага принесли они въ жертву вѣчнымъ.

Въ Понедѣльникъ, въ Духовъ день, архимандритъ служилъ обѣдню въ греческой церкви. Въ отступникѣ Бутурлинѣ замѣчательно много русскаго духа и вообще русской складки. Онъ даже усердный читатель Сѣверной Пчелы, и говорилъ, что по отъѣздѣ изъ Италіи, тоскуетъ по ней. Ему извѣстны и приснопамятны выходки Булгарина противъ *толстыхъ журналовъ*.

Во Вторникъ, къ пяти часамъ по полудни, сѣли мы на австрійскій пароходъ „Шильдъ". Онъ былъ окрещенъ во имя *Ротшильда;* но Ротшильдъ не согласился быть воспріемникомъ его и пароходъ обезглавили. Дня два предъ отъѣздомъ нашимъ дулъ сильный вѣтеръ и разкачалъ море. До острова Родоса насъ порядочно било, тѣмъ болѣе, что машина не въ соразмѣрности съ величиною судна. Мы шли медленно, узловъ по пяти въ часъ. Пароходъ новый и деревянная обшивка его, хотя очень щеголеватая, не обдержалась и не отсѣлась. Никогда не слыхалъ я подобной трескотни и скрипотни. Казалось, что все лопается, трескается и того и смотри — распадется. Со всѣмъ тѣмъ, въ Субботу, въ 4-мъ часу по

полудни, бросили мы якорь въ Смирнскомъ рейдѣ и къ 7 часамъ были мы уже заключены въ свою карантинную тюрьму.

На Смирнскомъ рейдѣ стоялъ французскій пароходъ, отправляющійся въ Константинополь—и на немъ Ламартинъ. Если турецкое правительство не было бы нелѣпо, то оно засадило бы Ламартина въ карантинъ, вмѣсто того, чтобъ дать ему богатое помѣстье въ своихъ владѣніяхъ. Ламартинъ перевернулъ Францію вверхъ дномъ и послѣ того бѣжитъ изъ нея какъ кошка, когда напроказитъ и разбросаетъ посуду; а Диванъ, который ищетъ покровительства и милости Франціи, оказываетъ неслыханное благодѣяніе безумцу, отъ котораго всѣ партіи во Франціи отказались и котораго всѣ равно обвиняютъ. Да и онъ хорошъ, устроивъ у себя республику, христорадничаетъ у потомковъ Магомета и записывается къ нимъ, болѣе нежели въ подданство, а въ челядинцы, ибо идетъ питаться ихъ милостынею и хлѣбомъ.

На возвратномъ пути ничего замѣчательнаго не было. Плыли мы по знакомой дорогѣ и мимо знакомыхъ острововъ, только приставая къ нѣкоторымъ, а не выходя на берегъ, согласно съ карантинными правилами. *Либеральные врачи* вопіютъ противъ карантиновъ, но они видятъ въ нихъ вопросъ, болѣе полититескій, нежели вопросъ общественнаго здравія и негодуютъ на нихъ какъ на стѣсненіе свободы человѣческой—наравнѣ съ цензурою, съ запретительными тарифами и пр. и пр. Дѣло въ томъ, что, со времени учрежденія турецкихъ карантиновъ, о чумѣ въ Турціи не слыхать. Это лучшее свидѣтельство въ пользу карантинной системы—разу-

мѣется благоразумной и умѣренной, а не произвольной и излишне притѣснительной. Что чума заразительна, что неограниченная свобода тисненія, въ своемъ родѣ, общественная чума, что безусловная свобода торговли мечта не сбыточная, все это оказывается на практикѣ вопреки человѣколюбивыхъ и благодушныхъ теорій. Смирнскій карантинъ очень порядоченъ—на берегу моря, свѣжій вѣтеръ отъ него утоляетъ жаръ и шумъ разбивающихся волнъ сладостно пробуждаетъ вниманіе. Комнаты просторны и чисты, вѣроятно потому, что султанъ на дняхъ проѣхалъ чрезъ Смирну, и на всякій случай все въ ней освѣжили и побѣлили. Точно тоже дѣлается и на святой Руси. Карантинная стража не пугаетъ, какъ въ Одессѣ, своими смертоносными мундирами, забралами и проч. У насъ все пересолятъ. Между тѣмъ наблюдательность здѣшней стражи очень бдительна и вовсе не докучлива. Я бросилъ бумажку изъ окна и чрезъ нѣсколько времени пришелъ ко мнѣ одинъ изъ надзирателей и спросилъ меня: я ли бросилъ? На отвѣтъ мой, что я, просилъ меня впередъ не дѣлать. Сошелъ въ садъ, подобралъ всѣ лоскутки бумаги, апельсинныя корки и бросилъ ихъ въ море. Обѣдаемъ мы съ *августѣйшаго* стола, то есть, обѣдъ нашъ готовится поваромъ изъ Смирнской гостинницы *Des deux frères Augustes*. Въ карантинѣ съ нами англичанинъ Робертсонъ, сынъ датскаго консула въ Смирнѣ Iong съ женою, ребенкомъ и братомъ, баронъ Шварцъ, баварецъ, нашъ Іерусалимскій спутникъ, два нѣмецкихъ живописца и около ста человѣкъ разнаго сброда. Вечеромъ Турки поютъ, играютъ въ жгуты на дворѣ. Много въ нихъ живости и весело-

сти. Въ то же время другіе Турки обращаются къ Востоку и не смущаемые ни присутствіемъ нашимъ, ни играми своихъ братьевъ—съ благоговѣніемъ совершаютъ, предъ открытымъ небомъ, свою вечернюю молитву. Въ числѣ стражи есть турецкій офицеръ, балагуръ и шутникъ; около него собирается кружокъ и потѣшается его разсказами и разными выходками.

Вообще, въ Турціи замѣтно равенство между различными степенями состоянія. Духъ братства вѣроятно отъ того, что степень образованности, то есть необразованности, почти всѣмъ общая. Вмѣстѣ съ тѣмъ много у нихъ *челядинства*, и турокъ, немного зажиточный, ничего самъ не дѣлаетъ и окруженъ большею или меньшею прислугою.

Въ Среду (я сбился числами), при восхожденіи солнца, отворили намъ ворота нашей карантинной темницы. Множество барокъ было уже у берега. Всѣ бросились нагружать на нихъ свою кладь, и черезъ часъ никого уже не было въ карантинѣ. Дулъ довольно сильный вѣтеръ противъ обыкновеннаго, ибо онъ подымается вообще не ранѣе десятаго часа—и море *барашилось*. Женѣ не хотѣлось пасти это волнующееся стадо, и мы послали въ городъ за porte-chaise и за лошадью, чтобы ѣхать берегомъ. Между тѣмъ море стихло, и мы спокойно отправились въ лодкѣ, подъ охраненіемъ русскаго матроса, поселившагося въ Смирнѣ. Остановились мы по прежнему въ „Августѣйшей“ гостинницѣ. Былъ я у паши, московскаго знакомца. Онъ немного говоритъ по-французски, помнитъ Петербургъ и многія лица, который онъ тамъ зналъ и разспрашивалъ меня о нихъ. Его по-

читаютъ приверженцемъ русской системы и потому удаляютъ его отъ Султана. Султанъ, заѣхавъ въ Смирну вопреки маршрута, начертаннаго ему министерствомъ, сдѣлалъ, говорятъ, un coup de tête. Увѣряютъ, что сераскиръ, другой его beau-frère, умолялъ его на колѣняхъ не заѣзжать въ Смирну, пугая его болѣзнями, землетрясеніями etc. Но, если не удалось имъ помѣшать Султану быть въ Смирнѣ, то успѣли они ограничить пребываніе его въ ней нѣсколькими часами, тогда какъ приготовленія и праздники устроены были на нѣсколько дней. По всему видно, что паша въ оппозиціи. Онъ очень худо отзывался объ египетскомъ пашѣ, котораго Султанъ видѣлъ въ Родосѣ и отъ котораго принялъ въ подарокъ богатый пароходъ, чему Галиль-паша будто вѣрить не хотѣлъ, говоря, что это противно послѣднему торжественному постановленію Султана принимать подарки свыше столькихъ-то окъ винограда, грушъ etc. Говоря о Ламартинѣ, недавно проѣхавшемъ чрезъ Смирну, припоминалъ онъ слова его въ Палатѣ Депутатовъ „que la Turquie etait un cadavre et qu'il l'avait touché du doigt“ — „et aujourd'hui il vient comme un ver, сказалъ я, se nourrir de ce cadavre“, что очень разсмѣшило пашу. Я просилъ его держать построже своего новаго помѣщика. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что не боится его. Вообще, пашу очень хвалятъ за дѣятельное и хорошее управленіе. Отъ него поѣхалъ я на Мостъ Каравановъ и опять не видалъ ни единаго верблюда. Вмѣсто Пятницы, пароходъ отправился въ Четвергъ. Къ четыремъ часамъ переѣхали мы на него въ лодкѣ, которую порядочно качалъ противный вѣтеръ, но русскій матросъ перевезъ насъ благополучно. На па-

роходѣ нашли мы знакомое семейство муллы, бывшаго въ Іерусалимѣ, и очень дружно жили съ гаремомъ его, на пароходѣ, очень обходительнымъ и даже не закутывающимъ лица своего. Вѣтеръ былъ сильный и совершенно противный. Мы шли медленно, пароходъ скрипѣлъ во всю мочь; но качка была сносная. Нервы мои сначала нѣсколько взбудоражились, но вскорѣ угомонились и все обошлось благополучно. Ночью остановились мы у острова Мителена и нагрузили на нашъ пароходъ около ста сорока негровъ и негритянокъ,—болѣе послѣднихъ, которыхъ везли на продажу въ Константинополь. Вотъ тебѣ и la traite des Nègres, противъ которой такъ либерально толкуютъ и такъ либерально крейсируютъ на далекихъ моряхъ и которая здѣсь открыто производится подъ австрійскимъ флагомъ. Впрочемъ, негры эти казались очень покойны и даже веселы, лежа на палубѣ какъ скотина. Ихъ ощупывали и осматривали, чтобы видѣть, нѣтъ ли какихъ тѣлесныхъ пороковъ. Охотники и знатоки опредѣляли, каждому и каждой, чего тотъ или другая стоитъ. Кажется, средняя цѣна отъ 1,500 піастровъ до 2,000 и 2,500. Но капитанъ парохода говорилъ, что совершить покупку на пароходѣ онъ не дозволитъ. Насъ пугали усиленія качки въ Мраморномъ морѣ; но вѣтеръ къ вечеру утихъ, и мы спокойно проспали послѣднюю ночь нашего плаванія.

Въ Субботу, 24 Іюня, къ десяти часамъ утра, бросили мы якорь въ красивомъ Константинопольскомъ рейдѣ:

Конецъ благополучну бѣгу.

Цѣна 75 коп.